

Иван и Елена
Мельниковы

Каменные сердца

Часть 2

Елена Мельникова
Иван Мельников
Каменные сердца. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24432369

ISBN 9785448533273

Аннотация

Континент Эос опустошен ядерной войной. Спустя 70 лет после катастрофы выжившие с завидным рвением продолжают дело предков. Оружия, оставшегося от последней войны, с лихвой хватит, чтобы превратить ее в предпоследнюю. Тем временем компания мечтателей странствует в надежде отправить послание таинственным Старшим Братьям. Но существуют ли эти мифические Братья? А если существуют, станут ли они помогать, и чем обернется их помощь? Что ж, существует только один способ это проверить...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	34
Глава третья	61
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Каменные сердца

Часть 2

Елена Мельникова
Иван Мельников

Дизайнер обложки Елена Мельникова

© Елена Мельникова, 2017

© Иван Мельников, 2017

© Елена Мельникова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-3327-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Я очнулась в своем жилом пузыре под надежными сводами Идэнского купола. Пустоши были грезой, мороком. Мэйби Туморроу никогда не покидала мирную роботскую обитель. Любопытной малышке просто приснился кошмар...

Я ощупала себя, однако следов ранений не обнаружилось, а значит, на подлодке меня не убивали. Отсутствовали мозоли, царапины, синяки, якобы заработанные за время путешествий, ногти оказались ровными и чистыми. Почему тогда я так ярко помню зуд в ладонях от неудачного приземления в куст шипоцвета, запах сигарет, боль от попадания пуль и вкус крови во рту? Наверное, будь я постарше, мой разум загнал бы «ложную» память подальше. Вместо этого он предложил осмотреться.

По заведенному в Идэне порядку я отправилась в столовую. Мне нужен был Срам – уж он-то не соврет! Дед сидел в секции для пожилых. С каких это пор идэнцев делят по возрастным группам? Ай, ладно! Так на моем счету появилось нарушение. Невзирая на предупреждение железной няньки, я вторглась на территорию старичья и назначила Сраму свидание. Полдела сделано, теперь завтракать. На моем столике возвышался гребаный торт – следовательно, Мэйби нынче исполнилось шестнадцать... Ох, да ведь завтра для меня подберут жениха! Час от часу не легче. Ко мне потя-

нулись с поздравлениями доброхоты, претендующие на свой кусочек лакомства. Не вникая в смысл, я выслушивала речи, вяло отвечала на улыбки и вдруг поняла – вокруг каждого человека имелась аура. Но разве способность видеть ее появилась у меня не в *тех* пустошах из сна?

После еды состоялся разговор со Срамом, не принесший ни капли облегчения и только умноживший количество вопросов. Старик практически ничего не помнил, позабыл даже большинство своих побасенок.

– Порой и вчерашний день заволакивает дымка, Мэйби, – с горечью признался Срам, крепче сжимая переплетенные на коленях узловатые пальцы. – А ты, девочка, просто наслушалась моей брехни, начиталась книг да насмотрелась фильмов. Зря вам, молодым, позволяют шастать в библиотеке и кинозале. Не к добру это. Ты бы обратилась в медблок.

Одно радовало – по утверждению старика, все-таки четыре месяца пролетели и здесь. Впервые мне в голову закралась мысль, что роботы прихватили с подлодки и моих друзей и они тоже томятся в Куполе. Я, как сумела, описала Сраму цыган и попросила сообщить, если он кого-то из них встретит. Дед поглядел на меня с жалостью, правда, обещался исполнить поручение.

Еще оставался аварийный шлюз, через который четыре месяца назад я вылезла наружу, но в стенах не нашлось ни трещинки. Единственная зацепка за мир из моего сна – ту-вячы анима-глупости... Судя по всему, мне действительно

следовало наведаться в медблок. Однако терять пусть нафантазированные, но яркие и живые воспоминания я не желала. Реальность Идэнского купола похожа на еду, которой тут кормят, – питательную, но безвкусную. Кому, как не мне, знать это.

Вечер я посвятила просиживанию штанов в библиотеке, откуда, к сожалению, пропали многие любимые мною книги. Ну, зато я выяснила наконец все о физиологии взаимоотношений между мужчиной и женщиной, о беременности, родах, детях... Лучше бы я оставалась в счастливом неведении!

На следующее утро ко мне за стол присел мужчина средних лет с физиономией отъявленного мерзавца, изящными нервными руками и высоким слегка хриловатым голосом. Неужели это мой «жених»?! Угрюмо зыркнув на него, я уткнулась в тарелку и принялась с фальшивым усердием ковырять пластиковой ложечкой белесую кашу.

– Здравствуй, пупсик! – сладенько воскликнул незнакомец.

Я подняла глаза, намереваясь ответить ему в стиле Тома Мэйби, но слова застряли у меня в горле – ауру этого человека невозможно было с чем-то спутать. Передо мной валяжно развалился на стуле тот, кто, по мнению Туве, похитил у нее Джо, тот, кто незримо присутствовал на эчеверийской субмарине. Наверное, выражение моего лица подсказало ему, что процесс узнавания идет полным ходом.

– Позволь представиться, Мэйби: Максимилиан Фрай, – мужчина шутливо поклонился, а потом сбросил свою порцию пищи в мусорное ведро. – Не очень приятно жрать эту гадость, а?

Как ни странно, на его действие не отреагировал ни один робот, хотя отказ от еды считался отклонением от нормы, поведением, неподобающим для индивидуума.

– Вы не житель Идэна, – пробормотала я.

– С чего ты взяла, малышка? – ухмыльнувшись, спросил Фрай. – Вдруг я родился вне Купола, как Срам?

– Нет. Здесь все рожи пресные, теперь даже у старика.

– Бинго, карамелька моя! Конечно, я не отсюда! – весело заорал он, опять-таки не вызвав ни малейшего волнения среди робоняnek, а потом заговорщицки шепнул: – Я из *той* реальности, которая приснилась тебе вчера.

Ложка выпала у меня из пальцев, к горлу подступила тошнота. Видимо, до сих пор я не вполне верила в правдивость собственных воспоминаний. Итак, умопомешательство зашло дальше, чем мне показалось сначала, – вот, галлюцинации выбрались наружу средь бела дня.

– О, не погружайся в недра паники, сердце мое! Глюков у тебя нет. И Аксель был, и табор, и взрывы, и огромный сурок в двести пятьдесят четыре кило весом. Твое присутствие в куполе не менее реально. Впрочем, на твоём месте, Мэйби, я бы себе не поверил. Но... – Фрай перегнулся через стол и внес свое первое предложение: – Тебе же не хочется

застрять тут навсегда?

Мы условились встретиться вечером в моем жилом пузыре. Целый день я места себе не находила, а после ужина помчалась домой на всех парах. Но отнюдь не из-за стремления поскорей поболтать с Фраем. Просто роботы уже начали сыпать мне в еду стимулятор, заставляющий семейные пары исправно пополнять население Купола. Ведь железные остолопы считали мистера галлюцинацию моим «женихом».

Ворвавшись в пузырь, я с ужасом обнаружила Фрая лежащим на кровати.

– А вот и ты! Я уж заждался, переволновался даже, – глумливо заявил он, наблюдая, как я жмусь у двери. – Не пойму, чего ты так раскраснелась? Ах да! Дурья моя голова, не предупредил: возбудитель для невесты никто не отменял!

– Так ты этого добивался? – поперхнулась я вопросом, подразумевая предстоящую сцену на брачном ложе.

– Твое предположение оскорбительно для меня, человека высоконравственного и, между прочим, женатого! – с напускной обидой изрек Фрай и ехидно добавил: – Я уважаю глубокие чувства, твои к цыганину – в том числе. Мне просто нужно потолковать с тобой.

– Сейчас конструктивного диалога не получится, – через силу просипела я.

– Ну ладно, твоя правда, рафинадинка. Придется помочь. – Мужчина лениво встал и направился ко мне. – Закрой глаза, открой ротик!

Подобное предложение не могло прийти мне по вкусу, но выбора-то не было. Что ж, если говнюку взбредет в голову отыметь меня в *уста сахарные*, я откушу его *имелку* под самый корешок. Однако на язык мне упал горький кругляш, который Фрай посоветовал незамедлительно проглотить. После чего разрешил открыть глаза.

– Лучше? – участливо поинтересовался он, вновь обосновавшись на кровати.

– Да, – подтвердила я. – Итак?

Сидеть рядом с ним не хотелось, поэтому я плюхнулась прямо на пол у стены. Мужчина усмехнулся, видимо, угадав мою неприязнь, но не прокомментировал. Напротив, его голос лишился малейших намеков на иронию. Он быстро изложил суть дела. Ему нужно было мое сотрудничество при побеге из Купола, когда он завершит *дела*. О подробностях Фрай умолчал. Я пыталась вяло спорить, но он пригрозил, что оставит меня в Идэне. Пришлось подчиниться.

В сказках так заключают сделки со злыми силами: герой подписывается кровью в конце длинного свитка с мелким текстом, следом на него сыплются блага. Платой, правда, является душа или жизнь, но в моем случае искуситель ничего такого не требовал. Я всего лишь кольнула булавкой палец и мазнула им по чистой бумажке. Вероятно, Фрай взыщет с меня сполна позднее.

Дальше последовали полгода ожидания. Нет ничего тягостнее! А ведь жизнь состоит из бесконечных периодов, ко-

гда ждешь чего-то, и коротеньких мгновений, когда получаешь желаемое. И зачастую в эти мгновения испытываешь разочарование...

Моих друзей с неделю продержали в карантинном боксе и выпустили одного за другим, пустоголовых, но наивно счастливых. Не хватало троих. По словам Фрая, Джо и Туве пропали бесследно, а вот Королевский Тушкан угодил в экспериментальную лабораторию, где, ясное дело, ничего хорошего ему не светило. Тогда-то мой благодетель и явил мне бездну своей щедрости. Он согласился спасти Декстера, не выпуская его, впрочем, на основную купольную территорию, подтасовал результаты выбора моей пассии, вписав туда Акселя, объяснил, каким образом подтолкнуть процесс возвращения памяти моим друзьям. Кажется, я все глубже увязала в долгах.

**

– Привет, меня зовут Аксель Грин.

Цыганин появился в столовой с неделю назад, последним. Остальные уже не только всю обживались в Куполе, но и, похоже, начали видеть *странные сны* – из их пустых глаз потихоньку исчезала умиротворенность. Акселевы же голубые блюдца по-прежнему сияли безмятежностью. Сейчас они вперились в мою физиономию – хлоп-хлоп ресницами.

– Я так рад, – смущенно продолжил он, не дождавшись ответа. – Мне уже четыре года ищут пару. Ты симпатичная.

Блин! Память Акселя еще дрыхла где-то в недрах его головы, ничем не выдавая своего присутствия. Ну, волноваться пока было рано – Фрай предупреждал, что у всех индивидуальный период возвращения из *небытия*.

– Рада знакомству, Акс. Я Мэйби. – Улыбнувшись, я протянула цыганину ладонь.

Он удивленно глянул на меня, потом неуверенно пожал мою руку. Из обихода идэнцев исчезли сленговые словечки, жесты, предполагающие соприкосновение с собеседником, *громкие* эмоции. Я же изредка позволяла себе нарушать эти правила.

В течение дня я изучала ошметки прежнего великолепия Акселевой личности. Рядом со мной находился вафел, только внешне напоминавший цыганина, мнящий себя фермером и не допускающий мысли о жизни в пустоши.

После ужина, когда нас обоих приперло, а Фрай с таблечками, надежно спасавшими меня до сего вечера, не пришел, мои нервы сдали, и я разрыдалась. Не подозревая об истинной причине слез, Аксель воспринял их, как боязнь *первого раза*. Его неуклюжие утешения лишь растравили мою тоску.

Еще утром все представлялось мне игрой, которую я легко завершу, едва надоест. Но перспектива существования рядом с пустой оболочкой любимого (пора бы признать) мужчины испугала меня до дрожи. Тем не менее выгнать Акселя я не могла, равно как и отказать ему. Эх, Туве, теперь-то мне

понятно твое отношение к Джо, но я не смирюсь.

Фрай пропадал целый месяц. Мне уже чудилось, что *того* сна и не было вовсе, когда однажды ночью мерзавец подстерг меня в ванной. Он сидел на крышке унитаза, скучающе выцарапывая ногтем узоры на куске мыла.

– Вот это да! Я уж боялся, вы никогда не кончите. Молодо – зелено, – Фрай ослабился и деловито полюбопытствовал: – Как он тебе, твой ненаглядный жеребец?

– Почему к нему не вернулась память? – процедила я.

– Я рискую слишком многим и не имею права на ошибку. Вдруг тебе покажется, будто старина Фрай не нужен и вы вылезете отсюда сами? Так вот, если ты, сладенькая, сорвешь нашу сделку, твой дружок останется кретином на всю жизнь.

– А ну как ты блефуешь? – я резко прыгнула на него и едва не треснулась лбом о бачок: Фрай очутился позади меня, то ли проявив феноменальную ловкость, то ли свое колдовское могущество.

– Пора бы тебе уразуметь, с кем ты имеешь дело, – он ухватил меня за шкуру и потащил на улицу.

Аксель стоял к ванной в пол-оборота, поправляя смятую постель, и не заметил нас, даже когда я заорала во все горло. Мой супруг преспокойно лег, укрылся одеялом и закрыл глаза, видимо, полагая, что я вздумала понежиться в душе.

– Неплохо, правда? – прошипел мне в ухо Фрай. – Я умею быть незаметным! Если ты, дрянь, откажешься помогать или, чего доброго, станешь мешать, я избавлю тебя

от никчемного куска мяса по имени Аксель. Вы оба и пикнуть не успеете! Как?

Фрай увлек меня в ближайшую рощицу, достал из кармана оружие, копию Тайгертова *лучемета*, и направил его на живую изгородь из лавровых кустов. Верхушки их сбрило фиолетово-розовым потоком, который вдалеке сверкнул по оболочке Купола, не причинив ей вреда.

– Я тут садовничаю, но подрезать кусты секатором долго и муторно, – Фрай словно забыл, зачем привел меня сюда. Он отпустил мою фуфайку и вновь заулыбался.

Ему ничего не стоило уничтожить меня и моих друзей. Хоть всех идэнцев! Да вот беда: выпилить дверь этой штуковиной Фрай, похоже, не мог. Пока не выяснено, какая конкретно помощь ему нужна, это наблюдение ничего не давало, кроме возможности тихонько ехидничать над говнюком. Но проболтаться способен всякий.

Отныне моей задачей стало заморочить Фраю голову приговорной кротостью. Он больше не вспоминал о нашей размолвке, часто навещался в гости, наверное, от безнадежной скуки, подолгу трепался со мной, виртуозно обходя, однако, вопрос нашего сотрудничества.

Его откровенность даже пугала – в фильмах судьба чересчур осведомленных персонажей незавидна.

Как-то я потребовала у Фрая найти мне интересное занятие. И он соизволил «занять размышлениями мою ниточку между ушей, чтобы она не провисла от безделья», не преми-

нув попенять мне за пренебрежение к сборищам анонимных пустошеголиков и к супружеским обязанностям. Как ни хотелось мне надерзить ему, пришлось прикусить язык.

Мы направились к новостройкам.

– Держись поближе, карамелька моя, если не планируешь привлечь всеобщее внимание, – Фрай для надежности взял меня под руку.

Роботы усердно возводили домики, будто готовились к невероятному демографическому взрыву. Помимо того, освободились многие заселенные. Так однажды пропал Срам, да и вообще, стариков становилось все меньше. В нужном нам квартале железяки сновали туда-сюда, а пузыри росли как на дрожжах.

Фрай выбрал законченный домик и завел меня внутрь. Ненадолго отпустив мою руку, он поднял одну из плит напольного покрытия. Под ней между переплетениями проводов и труб имелся приличный зазор, достаточный для меня или моего спутника. Фрай порекомендовал не задевать коммуникации во избежание удара током, застревания и других казусов такого рода. Я, конечно, сразу прикинула шансы пропихнуть сюда Грюна или Ника, но они, пожалуй, толстоваты, а вот остальные – протиснулись бы.

Внизу было душно и темно. Но Фрай отлично ориентировался, и вскоре мы вышли в освещенный коридор.

Устройство подземной части Купола отдаленно напоминало убежище в Шинкэте, даром что помещения приспособ-

ляли не для людей. Еще почему-то везде горел свет. Вроде бы, зачем освещение роботам? Кто их разберет! Местами пол устилали кабели, и тогда Фрай искал прогалину среди них либо трубу, по которой мы сумели бы безопасно пройти. Коридоры, комнаты и залы порой располагались на разных уровнях – приходилось карабкаться. Полегче стало, когда мистер глюк «заарканил» сервоублюдка.

– Хватит прогулок пешком. Я слишком стар для этого дерьма! – воскликнул он, усаживаясь на черепашую спину робота и помогая взобраться мне. – И так целыми днями здесь валандаюсь. А все, между прочим, ради вашего освобождения из рая. – Мужчина прижал руки к груди, затем простер их вперед в патетическом жесте.

Экскурсия продолжилась. Фрай показал мне родильный зал, медицинский отсек, конвейер переработки. От первого и до последнего вздоха человеческое существо находилось под неусыпным контролем. Я видела, как в Купол подкачивают извне воздух и воду, многократно очищая их. Там подтвердилось, что роботы воздействовали на сознание жителей Идэна, – им стоило только пустить по каналам вентиляции газ или добавить в еду и питье нужные вещества. Причем все высчитывалось с максимальной точностью, исключая практически любые передозировки даже в случае централизованного применения. Как пояснил Фрай, роботы могли погрузить весь Идэн в *анабиоз*, и при пробуждении никто ничего не вспомнит, вернее, вспомнит, но по-новому. По его мне-

нию, искусственный интеллект, правящий Куполом, «пере-загружал» население не раз и не два – в лабораториях имелись предыдущие версии. Попадались там и мои «родственники». А один из залов наполняли точные копии Мэйби Тумморроу, по крайней мере, отличий я не обнаружила.

«А если меня вправду убили на подлодке? И теперь я – это не я», – мелькнула гаденькая мысль, тут же поддержанная Фраем.

– Полезно иметь в закромах парочку клонов. Ранило, покалечило, а ты, оп, и заново родился! Хотя я предпочитаю лечиться, ведь огромная часть жизненного опыта хранится не в мозге, – вещал он. Вдруг, после непродолжительной паузы, Фрай с наигранным весельем больно хлопнул меня по плечу: – Нет, ты только посмотри на это великолепие! А собрано-то на коленке, *из говна и палок!* Как и весь ваш чокнутый мирок!

Фраю было неинтересно углубляться в недра истории, поэтому узнала я немного. По его словам, цивилизация на планете Эос возникла не случайно – после древней *Вселенской войны* здесь спаслись горстка *колонистов* и остатки *космической эскадры*.

Когда закончились противники, боевые роботы, созданные одной из *старших рас*, оказались не у дел. Они переосмыслили команду «защищать разумную жизнь», решив возродить ее. Эос стала идеальным полигоном. На беду, искусственный интеллект Идэна не вполне понимал своих под-

опечных. Под начало роботов попали люди, а не *эстари* – речь о двух родственных, но разных народах. Мне сразу же припомнилась цыганская легенда о Старших Братьях.

– Не могу точно сказать, кого ты именуешь братьями. Вы тут на Эос, скорее, детишечки людей и эстари. Мы посеяли семена по всей Вселенной, а теперь пришло время пожинать урожай, – мистер Фрай самодовольно надул щеки, не сообщив, что сболтнул лишнего.

– Кто «мы»? Ты и себя причисляешь к сеятелям? – я немедленно ухватила за ниточку, вызвав у собеседника страдальческий вздох.

– Поговорку про любопытную Варвару слышала? Хотя куда там! У вас, поди, Тамара или вообще какая-нибудь Бычара, – Фрай взглянул на меня с фальшивым состраданием. – Все тут шиворот-навыворот, – он помолчал, потом шлепнул нашего «скакуна» ладонью и продекламировал: – Я родом с Земли...

– Стой, разве земля и почва – не одно и то же?!

– Не перебивай старших, Мэйби! – окоротил меня Фрай. – Земля – это Колыбель Человечества. Ее история насчитывает тысячелетия, за которые сформировался *хомо сапиенс*, Человек Разумный, Человек Истинный. А идэнские дуболомы ускорили процесс. Глупая задумка глупо же и закончится. Роботы, как и их гордецы-хозяева, возомнили себя творцами. Вот люди, они никогда не совались в чужие дела... Кстати, эстари, насколько мне известно, исчезли – они вам

не помогут. Плачь, если ваше послание отправилось к ним. Земляне же лишь приглядывают за Эос.

– Конечно, зачем помогать? Если мы станем сильными, вам это будет невыгодно! – стало обидно даже, я ведь при-
выкла к морали цыганской дружбы.

– Сильными?! – Фрай загоготал и чуть не скатился с роботского панциря. – Лапонька, вы погубили свою цивилизацию! Прости, ты-то ни при чем – не участница, даже не родня всем этим кретинам. А они, уж поверь, справятся с организацией пиздеца еще раз, и еще, если понадобится.

– Хм, может, землян заинтересовал эксперимент со мной? – зашла я с другой стороны.

– Нет, я здесь не затем. Прекрати выкручивать мне яйца, Мэйби!

– Скажи спасибо, что не откусываю! – парировала я. – Но если вы лишь наблюдаете, зачем ты вмешиваешься? Кто подначивал Тиану? Кто выкрал Джо? Наконец, кто копался в пульте управления подлодкой?

– На какой же вопрос ответить сначала? – Фрай задумчиво покусал костяшку большого пальца. – Или, не морочась, треснуть тебя по башке? Впрочем, так не интересно. Я люблю баловать детей, терпеть не могу, когда младенец плачет. Тианочка без взрывов – кто она? Пустышка. А так – яркая личность! Как она наслаждалась каждый раз, когда удавалось что-нибудь поджечь! Касательно Джо, гм-гм... Он в итоге попал не совсем по адресу, но и там пригодился. Без

него Тайгерт на субмарине остался бы обычным варваром, а с его помощью обрел власть. Ненадолго, правда, – даже я не всеведущ и не сумел предречь ему вашего появления. Зато какая драма! Сколько действующих лиц, сколько завязок для новых интриг! Каюсь, я порой не отказываю себе в удовольствии подтолкнуть вас к наиболее красочному сюжетному повороту.

– Избалованное дитя становится неуправляемым.

– Да мне насрать. Вы же не мои дети.

Если кто-то утверждает: мол, мне ничего не нужно, следовательно, ему нужно *все*, – такова старинная мудрость. Однако отыскать в паутине ходов Фрая исток пока не получалось. Он не пер к своей неведомой цели напрямую, а ловко пользовался посредничеством той же Тианы, меня вот, хрен знает кого еще.

В завершение нашего вояжа по катакомбам Фрай окончательно подцепил меня на крючок. Он огласил мои обязанности, после исполнения которых воротится Аксель, и, кроме того, отдал мне в руки судьбу ненавистного Купола. От меня требовалось всего-навсего включить Главный компьютер и запустить некую программу. А в конце я сама решу – быть Идэну или не быть.

**

Я внимательно следила за своими друзьями, подстерегая светлый момент, когда они забросят свои горшки, минипигов, вязание крючком, садовые совочки и гравюры, жен и му-

жей, наконец. Ну почему чистенькие стены, посыпанные песочком дорожки, белые скамейки раздражают только меня?!

Как я поняла, роботы не стирали личность целиком, а лишь умело перекраивали. Яркие впечатления, радости и печали отсеивались, оставалась серая основа повседневности.

О да, искусственный интеллект внес коррективы в свою политику, касающуюся человеческой памяти и жизненного опыта. Теперь никто не рассказывал баек в духе Срама про веселые *старые добрые деньки*. Железные ублюдки искоренили у подопечных всякое недовольство существованием в Идэне. Почистили и библиотеку с кинотекой, оставив там беззубые мелодрамы, комедии, исторические хроники, популярные журналы о науке.

Меня от прочистки мозгов уберег Фрай, хотя, по-моему, этот пункт своего плана он продумал плохо: проще же договориваться с Мэйби-паинькой, каковую из меня непременно сделали бы роботы, чем с Мэйби-злючкой. С другой стороны, вести дела с человеком вроде нынешнего Акселя – удовольствие так себе.

Первым «очнулся» Данике, и прозрение так испугало его, что он незамедлительно побежал в медблок. Но вернуть утраченный покой это не помогло. Прошлое ворвалось в настоящее с бесцеремонностью шайки мотоциклистов-головорезов. И док принялся задавать вопросы.

Общая беда быстро объединяет. Некоторое время цы-

гане просто изумлялись вычурному своеволию подсознания. По предположению Данике, мы стали жертвами некоего психологического эксперимента. Никто с ним не спорил. Но в большей или меньшей степени все поверили своим воспоминаниям, тем паче они были куда интереснее купольных будней. Как справедливо рассудил Ник, реальность того или иного жизненного явления всегда можно подвергнуть сомнению и погрузиться в безумие. Мы сделали допущение и ждали случая, который уничтожит или оправдает его.

Мое возрождение после гибели на подлодке, а также отсутствие привычных Акселя и Тианы на фоне всего остального воспринимались легко. Чудеса мироустройства Идэна намекали, что для роботов нет ничего невозможного. Принадлежность Тома к женскому полу подтвердила Кирна, заметив заодно, что перевоплощение никоим образом не избавляет от возмездия за испорченную шляпу. Которое она, ввиду обстоятельств, решила пока отложить. Впрочем, почему бы роботам не сделать из мальчика девочку? Тоже вариант.

К сожалению, Тианины изменения оказались сродни Акселевым. Сны ее посещали, однако она яростно их отрицала. Аксель же смирился с необходимостью сопровождать меня на *конвенты фантазеров*. Он вообще стал на диво кротким – эдакий младший братец, задавленный авторитетом старшей сестры.

И вот однажды на наше сборище пожаловал Фрай соб-

ственной персоной, отсутствовавший до того пару месяцев. Он возник из-за жилого пузыря, катя перед собой газонокосилку. Странно, как это мы не слышали его приближения? Фиговина тархтела, как насквозь проржавевшая машина из пустошей.

– Ребятки, ваши рандеву начинают беспокоить наших металлических друзей, – весело заорал Фрай, выключив садовое чудище и помахав нам рукой.

– Это что за хрен с горы? – Кирна смирла пришельца недобрым взглядом.

– Разве Мэйби вам не рассказала? – мистер мираж с фальшивым огорчением обхватил щеки ладонями и покачал головой. – Я прибыл сюда, чтобы вкусно жрать, сладко спать и между делом спасти ваши задницы.

– Фрай, – коротко бросила я.

Аксель дернул меня за рукав и сердито зыркнул на гостя.

– Кто это?

Я шикнула на супруга. Обычно каждое наше собрание завершалось крикливыми протестами Акселя против *кочных* извращенных фантазий и планов. Все уже притерпелось к его нытью и к нашим семейным перепалкам. Нынче претензии свелись к страшным взглядам и шепоту – не иначе Фрай напугал Акселя, поэтому он не осмеливался выступать громко.

– Хм, нейробиологический эксперимент выходит на новый уровень, – пробормотал Данике. – Замена или внедре-

ние коллективных воспоминаний уже были, теперь настала очередь галлюцинаций.

– Док, док, тише, – Фрай подошел к нам, извлек из нагрудного кармана пузырек с оранжевыми пилюлями и потряс им перед носом Данике. – Сейчас у вас в мозгах окончательно прояснится.

Мои друзья получили по капсуле и в нерешительности рассматривали «подарки».

– Это почти как ваши «успокойменяшечки», док. Кушайте на здоровье, друзья мои, – Фрай убрал склянку. – А для тебя, Акселечек, я таблетки не припас. – Он развел руками. – Мэйби, наш договор в силе?

– Лично я ему не верю, – проворчал Николас.

– Шел бы ты отсюда, – проворковала Кирна, взвешивая на ладони садовую тяпку. Грюн по-бычьи нагнул голову, хрустнул пальцами. Владилен Михайлович хмурил брови. Упрямый Данике пытался щипками за нос и щеки вывести себя из-под гипноза.

Я ожидала чего-то подобного, но надеялась, что они воспримут Фрая спокойнее. По словам Данике и Владилена, на сей раз вынесших единогласный вердикт, определить, как роботы перекрывают отделы сознания, нереально, настолько широк спектр средств и методов. Акселеву личность надежно пленили, да и у остальных имелись помутнения в памяти, с каковыми, похоже, они решили смириться – не выкинули пилюли только Данике да Николас. Впрочем, раз Фрай

почему-то не может выбраться из Идэна без нас (меня), мы пока слегка поартачимся. Хотя напрасно я рассказала ребятам *все...*

Благодетель обидчиво надулся губы и отчалил. Его фигура маячила на краю поляны неммым укором моему коварству.

– Но в одном твой дружок прав, Мэйби, – Валехо поскреб подбородок, – пора отсюда сваливать.

– Куда? – Аксель в ужасе вылутился на Ника.

– Туда, где ты правил караваном и стрелял в людей, старина, – терпеливо, в хрен-знает-какой-раз пояснил инженер.

– Мэйби, это уж слишком! – цыганин капризно отбросил мою руку и ухватил меня за плечи. – Нам пора домой! Мне надоели басни про наши, в том числе мои, «подвиги»! Идэн – единственное место, где может жить нормальный человек!

Это был бунт. Аксель тряс меня как куклу (странно еще, как набивка не посыпалась) и вопил мне в лицо. Но бунт беспомощный и жалкий, мигом пресеченный Кирной, – она треснула цыганина в ухо.

– Поверь, – рыкнула блондинка, – я действительно способна ударить человека!

Та часть историй, где мы калечили, убивали и взрывали, особенно нервировала Акселя, «истинного сына» Идэнского купола. Правда, как и все прочее, он считал ее бредом. Который сейчас прорвался наружу – ухо распухло.

– Серьезно подумай, нужно ли брать этого увальня с собой, – заметила Кирна.

– А ты бы оставила здесь Сагерта? – ответила я.

Девушка неопределенно хмыкнула.

Тем временем Ник разработал план: поймать робота, разобрать его, найти *фотоэлемент* (или нечто заменяющее его), открывающий двери, и выйти. Вот это «и выйти» вышло для меня самым слабым пунктом замысла – где ж та дверь, которая ведет на свободу? Мне же Валехо дал особое задание – скормить хоть одну пилюлю Акселю. Естественно, упрашивать упряма пришлось долго. Пока я обхаживала супруга, цыгане изловили робота-няньку и ознакомились с его богатым внутренним миром. Николас воспользовался стремлением жестянок поспешать на помощь любому страждущему. Инсценировали падение Владилена. Роняла дедулю Кирна, поэтому заголосил он ну очень натурально. Уже через несколько секунд над Птицыным завис шар, пропиликал нечто, наверное, успокаивающее, и протянул к нему щупальце. Тут на робота накинута загодя приготовленную Никову фуфайку. Робот запищал громче, дернулся. Кирну, державшую ловушку, приподняло от земли и потащило. Грюн с ревом бросился на помощь, вцепился в фуфайку, вырвал ее из рук девушки и, хорошенько замахнувшись, треснул роботом о скамейку. Шар затих. Охотники развернули ткань.

– А он чувствует боль? – полюбопытствовала Кирна.

– Нет, только неисправности, – ответил ей Ник, внимательно исследуя поверхность сферы.

– Жаль. – Девушка сразу потеряла интерес к железке.

Видимых сочленений на сфере не нашлось, и Ник в поисках шва принялся колупать ее садовыми ножницами. Наконец лезвие попало в совершенно незаметную глазу выемку. Инженер пристукнул по ручке кулаком и робот раскрылся.

– Леденчик мой, – обратился ко мне Фрай, подкравшись поближе, – я бы на твоём месте не позволял своим сумасшедшим друзьям решать судьбу Аксея. Занятно, конечно, чем закончатся ваши попытки сбежать отсюда самостоятельно, но мое терпение не безгранично. Не забывай, я могу снять с вашей компании защиту, тогда железяки оживятся, сцапают вас и, вероятно, отправят на конвейер. Сделка аннулируется, но тебя-то я заставляю соблюдать все детали.

Мужчина явно нервничал, но виртуозно скрывал волнение. Я, однако, достаточно хорошо его изучила.

– Фрай, дай ребятам поиграться. Разумеется, им хочется сделать все самим. Кстати, направлять нас исподволь тебе никто не мешал.

Ой-вай, уши под лапшу подставлять успевай! Интересно только, у кого лапши в запасе больше? Тем не менее мистер глюк поостыл.

– Предположим. Но помни, я с тебя глаз не спускаю! Между прочим, зря вы цыгану таблеточку отдали. Не в коня корм! – Фрай хохотнул и убрел под сень яблонь неподалеку, предоставив нам мнимую свободу действий.

Для начала мы направились к уже проверенному мною аварийному шлюзу. Там ничего не изменилось – по-прежнему

му голая ровная стена. Зато, как предположил Николас, сюда когда-то подвели кабели, которые остались на месте и сейчас. Он пошерудил в мешанине проводков, лампочек, пластинок и другой дребедени внутри «убитого» робота, что-то с чем-то соединил и провел получившейся штуковиной у стыка стены с грунтом. Мигнул огонек. Забыв про осторожность, Валехо радостно гикнул и направился к библиотеке, поманив нас за собой. Не пройдя и десяти метров, мы притормозили перед кустом сирени. Николас побродил вокруг и заявил, что именно отсюда выныривает пучок проводов, питавших когда-то механизм шлюза. Предстояло выкорчевать растение. Валехо с преувеличенным усердием принялся ковыряться в своем «инструменте», как бы намекая – садовником он быть перестал, в нем снова возобладали инженер, и копание отныне вне его компетенции. Грюн чуть не сломал совочек и потянул спину, применив давно простаивавшую силушку чересчур рьяно. Мы с Кирной уже приготовились включиться в борьбу с зелеными насаждениями, когда Владилен Михайлович, поплевав на ладони, потребовал пустить его.

– Акс, помоги бабушке! – подтолкнула я цыганина.

– Только если ты, Мэйби, отправишься со мной домой, – муж сложил руки на груди и выжидательно замер.

– Хорошо, милый. – Я обворожительно улыбнулась, оттирая от Акселя Кирну, явно желавшую подкрепить мою просьбу бодрящим пенделем.

Иногда покладистость супруга бывает полезной. И доверчивость, конечно. Я пользовалась этими его новыми качествами довольно часто и с содроганием думала о предстоящем возмездии. Аксель такого мне не спустит. Если вернется.

Вдвоем мужчины довольно быстро вынудили куст посторониться. Вкапываясь под корни, они наткнулись на твердую поверхность, оказавшуюся люком в колодец. Николас приложил к нему роботский «пропуск», и нас оглушила сирена. Вой должен был поднять все живое в Куполе, но никто не прибежал ни через секунду, ни через несколько минут. Фрай издалека с издевкой похлопал нам в ладоши. Валехо попеременно выкладывал на гладкой крышке различные детали из нутра многострадального шара – ничего не происходило. Аксель пытался увести меня, однако присмирел под взглядом Кирны.

Наконец Ник признал грубую силу единственным способом отворить люк. Крышка была необычно тяжелой, хотя толщина листа не превышала, по прикидкам, и пяти миллиметров. Зазор между ней и горловиной колодца еле прощупывался. Щель расширили ножницами, потом в ход пошел совок, следом Птицын рискнул просунуть туда пальцы. Поднатужившись, покряхтев, он приподнял крышку. Тут уж ему на помощь ринулись остальные. Чуть только пластина оторвалась от ложа на локоть, она потеряла вес, и работнички едва не ухнулись вниз. Открывшийся лаз вел в освещенную

часть подземного Идэна.

Бережливая Кирна не захотела бросить крышку, доставившую столько хлопот. Блондинку обуревали идеи продать ее на воле или, на крайняк, сделать из нее щит. Поэтому дырку прикрыли кустом. Николас, вероятно, из схожих соображений, прихватил с собой оболочку робота-няньки.

Честно говоря, спустившись под землю, я начала разделять мнение Акселя – кой черт понес нас сюда? Из одного из перпендикулярных коридоров до меня долетел глумливый бубнеж: «Скоро рассвет, выхода нет, ключ поверни и полете-е-ели»... Фрай, насколько я помню, не полез за нами в колодец, но его фигура мелькала то там, то сям на нашем пути. Чему удивляться? Если он действительно бродил по лабиринтам все полгода, то изучил, поди, каждый закоулок. Однако подсказывать мистер глюк не собирался. Впрочем, немного погодя у Ника и Данике возникла вполне определенная идея. Они надеялись найти информационный узел, то есть мозг и сердце Купола. Логично предположить, что двигаться следовало к центру, то есть к самому защищенному, по нашему разумению, месту в Идэне.

Схема помещений подземелья представляла собой несколько колец, пересеченных радиусами коридоров. Так вот, после запутанных улочек любого крупного города пустошей это детская забава. Жаль, не удалось оседлать парочку сервороботов.

После знакомства с конвейерной, где туши, в том числе

людские, превращались в питательную массу, Аксель прекратил нить, оживился даже. Наверное, он решил, как когда-то Срам, будто жестянки разводят обитателей Купола себе на корм. Я не стала его разубеждать.

Во втором или третьем кольце мы обнаружили музей, про который Фрай вещал на экскурсии. Тогда он не пожелал его посетить. Я бы обошлась без этого визита и сейчас, но болезненное любопытство заставило нас пройти между стеллажами с колбами, аквариумами, предметными стеклами. Из-за толщи консервирующей жидкости таращились существа, попавшие сюда не иначе как со страниц сказок, и самые обычные люди, знаменуя собой то ли достижения роботов на пути к созданию цивилизации на Эос, то ли демонстрируя отклонения от норм. Таблички были на неизвестном языке. Для кого они предназначались? Уж не для сгинувших ли роботских хозяев? Ну, где годовалый младенец, где женщина-змея, а где сурок обыкновенный, мы и без них догадались. Когда на полках показались прозрачные вместилища отдельных органов, все рванули обратно.

Пожалуй, Декстер должен благодарить наши ослабшие нервишки: если б цыгане бесстрашно прошествовали сквозь музей до конца, он пополнил бы собой экспозицию. Но, спасаясь от жуткого зрелища, Аксель свернул не в ту дверь и попал в лабораторию, где существа в колбах еще не перешли в разряд экспонатов. При нашем появлении пленники заволновались. Мы не слышали их призывов – лишь стук. И гром-

че всех долбил в прочное стекло Королевский Тушкан.

Валехо постарался вникнуть в мудреное управление чужеродной техникой, к которой подсоединялись колбы. Перед ним в воздухе выскакивали мерцающие окна и загорались какие-то значки.

Остальные рассматривали узников и пытались общаться с ними жестами. Владилен ахал и охал рядом с шаром, где метались натуральные феечки. Собственно дед первым обнаружил две вещи: емкости нельзя уронить или снять с постаментов и трудно разбить. В его случае – невозможно. Кирна любовалась мальчиком в чешуе, девушкой с кожей нежно-зеленого оттенка и крошечным человекообразным ящером цвета индиго. Интерес ее имел вполне определенную направленность – она оценивала их примерную рыночную стоимость.

– Нужно всех освободить! – воскликнула блондинка и, облизнув губы, тихо добавила: – За любого из них отвалят целое состояние!

– Кирночка, так нельзя! – возмутился Птицын.

– Они все равно не слышат, – рассмеялась девица в ответ.

– Эта барышня определенно лучшая после Тианы, – ко мне, дежурившей за спиной у Ника, тихо приблизился Фрай. – Жаль, она уже занята, – скорбно закончил он.

Уточнить, кем занята Кирна, я не успела. Панели под ладонями Валехо стали красными, а в колбы начала поступать сиреневая жидкость. Многие пленники тут же обмяк-

ли. Декстер принялся вытворять совсем уже невероятные кульбиты, наглядно иллюстрируя поговорку «жить захочешь и не так раскорячишься». Испуганные цыгане, сбежавшись к пульту, забросали Ника дурацкими советами, мешая ему сосредоточиться. Наконец инженер случайно ткнул в один из зеленых бегунков, тот исчез, а затопление Тушкана превралось. К сожалению, найти подходящие бегунки для других колб мы так и не сумели.

Нужно было спасать Декстера. Ударным инструментом послужила крышка люка. Вскоре на боку сосуда образовалась внушительная вмятина, окруженная сеткой трещин. До конца дело довела Кирна, удрученная, по ее собственным словам, мужским бессилием. В качестве тарана она использовала вместилище сурка обыкновенного, позаимствованное в музее. Дальнейшее освобождение Тушкана напоминало роды. Пришлось дожидаться, когда вытечет вся жижа, потом вручную слегка расширить проем и вытянуть узника за ноги. Декстер отряхнулся. Он был на удивление молчалив. Впрочем, недолго. Через пару минут на наши головы посыпались обвинения, что мы не очень-то спешили ему на помощь, едва не угробили и больно хватали за пяточки. Угломонился он, лишь когда Кирна пригрозила засунуть его обратно.

Глава вторая

Место, где мелкий Джо появился на свет, почти не изменилось. Мистер Скелет-в-Каске повалился на стол лицом вниз, как перебравший на вечеринке кутила. Госпожа Манекен-Третья-Справа осуждающе наклонила надтреснутую голову, косясь на Туве единственным полустертым глазом. Рыжая понурилась, полностью согласная с немим укором, читавшимся во взгляде манекена. Скрипнув от натуги зубами, Туве уложила тело Джо на изодранную поверхность миллиардного стола. Несколько слезинок упали на выцветшее, когда-то густо-зеленое, сукно.

– Присмотрите за ним, – она кивнула роботу, поблескивающему в закатных лучах.

Если верить часам, которые все-таки подарил ей Джо, было около трех пополудни, но ведь нынче самый короткий день и самая долгая ночь в году. Ночь ярких костров, первобытной *вошебы*, ночь, когда тишина обретает голос. Ночь хороводов призраков, ночь, когда Вселенная принимает дары и, случается, исполняет желания.

Туве желала Джонатану Хайду счастья и могла многим ради него пожертвовать.

Она сильно изменилась за последние три с небольшим месяца. Вряд ли в лучшую сторону. Приятные округлости фигуры уступили место выпирающим костям, огненные воло-

сы потускнели и сваялись, став похожими на затасканный нейлоновый парик. Под глазами залегли глубокие тени. Кожу дикарки покрывал слой застарелой грязи в потеках пота. Шутка ли – переть на себе здоровенного мужика десятки километров, лиг, миль... Питать, согреть его тело и анима. Увидь ее Джо такой в первый раз – прошел бы мимо, не обернувшись.

Случившееся на плавучей машине стало последней каплей для рассудка Джонатана Хайда. Туве с трудом удавалось касаться его разума, мнящегося в круговерти кошмаров. Она кормила его, разжевывая в кашу скудную пищу, которую соизволял принимать его желудок. Она отгоняла от Джо голодных и злых духов, блуждающих по пустошам в поисках тела, которое они могли бы занять. Она убивала людей, которые хотели причинить вред Джо (вернее, причинить вред ей, Туве, но в данном случае ее гибель означала неминуемую смерть и для него). Однако самое сложное было впереди.

Госпожа Манекен-Третья-Справа, мистер Скелет-в-Каске и остальные не подвели – когда Туве закончила собирать огромную кучу из сухого астрагала и обломков мебели, Джо все еще лежал на бильярдном столе, вздрагивая и неразборчиво мыча сквозь зубы.

«Вселенная создана с помощью музыки. Помни об этом, когда просишь ее об одолжениях, – мудрость Эвистрайи, Потерянной туве, пришлось как никогда кстати. Давным давно она научила рыжую *Всему, Что Имеет Значение*. Предсто-

ящий ритуал относился как раз к данной категории. – Песня для созидания, песня для разрушения, песня для исцеления – для всего есть песня, хоть и не всегда есть слова».

Туве сняла амулеты и надела на грязную шею Хайда. Она сильная и обойдется без них. Мелкому Джо удача нужнее. Затем, подумав немного, девушка извинилась перед гостями. Она рассадил их на земле, прислонила Джонатана к бетонной плите и отволокла бильярдный стол со стульями в кучу. В конце концов, костер понадобится *действительно большой*.

Снежинка упала на облезлый нос дикарки, заставив ту ойкнуть от неожиданности и взглянуть вверх.

– Небо плачет вместе со мной, – прошептала Туве, зажмурившись, – но слезы замерзают, ведь повсюду царит холод. Холод ваших каменных сердец!

Последнюю фразу она выкрикнула в темное серое небо, вызвав эхо среди покосившихся остовов небоскребов Нью-Йорка. Стая ржавокрылов с противным клекотом взвилась ввысь, вокруг зашевелились тени *тех-кто-боится-света*. Пока Туве видела только холодные точки глаз, висящие в пустоте, но к тому времени, как стемнеет, следовало бы закончить с костром. Девушка склонилась над сухими стеблями, подложенными под низ конструкции, подняла с земли булыжник и заржавленный кусок металла. Посмотрела на них точно в нерешительности, а затем с силой ударила друг о друга. Сноп ярких искр упал в ворох астрагала, про-

будив жадное пламя.

Туве уложила Джо в яйцо. Если ничего не получится, он умрет внутри несокрушимой оболочки, но попробовать стоило. Девушка напрягла отощавшие ручки, стараясь сомкнуть створки яйца, мышцы запульсировали под кожей, словно черви. Внезапная боль – левое запястье хрустнуло. Не страшно, у нее есть еще одна рука. Через мгновение, показавшееся Туве вечностью, створки, лязгнув, захлопнулись. За ее спиной костер разгорался, тени в неистовой скачке бесновались вокруг. Откусив прядь своих волос, Туве бросила ее в огонь. Тот взметнулся в черное пустое небо, как бы намекая, что не прочь отведать столь изысканного лакомства еще. Девушка резко и неестественно выгнулась, замерев в напряжении первого па танца, подставив лицо падающим снежинкам. Ее гулкий голос слился с плачем ветра в руинах мертвого города.

Вселенная порой бывает жестока, и вращение ее безжалостно, неостановимо, *необратимо*. Но изредка сила, приводящая ее в движение, отвечает на мольбы. Ответы эти принимают очень разные формы, однако если человек (или туве) чист сердцем, он обязательно получит помощь.

И Туве получила. Когда она привалилась к холодному боку яйца, костер превратился в ярко тлеющие угли. Невыносимая усталость нахлынула на нее, шепча в длинное ухо: «Брось. Уже все кончено. Нет смысла погибать обоим». Но остановиться сейчас как раз и означало погибнуть обо-

им. Когда (и если) Вселенная отзовется, Туве должна быть здесь – ее разум, ее анима и ее тело, конечно же. Почти всю свою жизненную силу она влила в зарядные элементы «временной капсулы» Джонатана Хайда. Туве не осознавала сложности этого действия с точки зрения науки и техники, но имела весьма сильное *намерение*. Батареи же приняли энергию с привычным безразличием, не заботясь о ее происхождении.

Яйцо поддержит жизнь Джо в течение следующей толики Круга, а потом... Кто знает, что случится потом? Как говорили в Долине: прошлое – история, будущее – тайна. Джонатан упоминал о способности своей скорлупы путешествовать меж звезд. Если яйцо могло устоять перед небесными бурями, то выдержит и *мрак между мирами*.

– Между спиц и вдоль оси невредимым пронеси, – бормотала Туве, вглядываясь в тусклые глаза тех-кто-боится-света, обступивших капсулу-скорлупу. Твари чуяли ее слабость. Огонь погас, но она надеялась.

Медленно, будто нехотя, небеса очистились от черных туч, снегопад прекратился. Туве ощутила, как яйцо *пошевелилось*. Сначала она приняла дрожь обшивки за игру своего воображения. Но когда подались назад призраки, а угли вспыхнули пронзительно-белым светом, поняла: ее мольбы услышаны. Поток Жизни вырывался из середины пепелища во всей своей первозданной красоте. Туве знала, что зрелище это, скорее всего, последнее для нее, а потому от-

давала ему должное, не смея даже моргнуть. Сияющая волна подхватила капсулу, окутала плотным коконом анимаций, а затем яйцо и его содержимое исчезли. Течение увлекло их за *грань*, туда, где заканчиваются и начинаются все пути. Джо гордился бы своим первенством не только в *хрононавтике*, но и в *парахрононавтике*. Если повезет, он станет одним из немногих, чья дорога за *гранью продолжится*. Лишь бы сила амулетов сохранила Джо от опасностей и бед, а Поток переправил его в место более милосердное к таким, как он!

– Прощай, Джонатан Хайд из Нью-Йорка, – пролепетала Туве, откидываясь на спину. Сил сидеть после того, как исчезла опора, у нее не было. – Прощай и будь счастлив.

Ее слабая аура трепетала, как последняя звездочка шиповника на зимнем ветру.

**

До нее, словно издалека, доносились голоса.

Приоткрыв глаза, Туве увидела людей в военной форме. Столпившись вокруг, они пялились на нее, тыкали в бок стволами винтовок.

– А она ничего, миленькая, – сказал один.

– Проклятые людоеды, – откликнулся другой. – Посмотри на эти кости! Вот зачем такой кострище вчера запалили.

– Готовь веревку. – В словах третьего девушка уловила характерные командные нотки. – Не патрон же на нее тратить. Туве протянула руку и ухватилась за ближайшую винтов-

ку, с небольшим усилием выгнула ствол вверх. Солдат удивленно моргнул. Девушка вопросительно приподняла голову и моргнула в ответ.

Спустя несколько минут, оглядывая лежащие вокруг тела, Туве поняла, что не испытывает никаких эмоций. Забрав десяток жизней, она не чувствовала себя виноватой, расстроенной, не чувствовала вообще ничего, кроме, пожалуй, усталости и раздражения. Ауры перебитых ею патрульных НЛО в смятении толклись неподалеку от тел, видимо, еще не осмыслив случившейся с ними неприятности.

Девушка прижала руку к левой груди. Исполнив ее мольбу, Вселенная зачем-то сохранила ей жизнь, но цена, как всегда, оказалась велика. Теперь и сердце рыжей Туве превратилось в камень.

Ей вдруг очень захотелось домой.

Самые длинные пути начинаются и заканчиваются одним шагом, и Туве решила не откладывать совершение одного на потом. Махнув на прощанье госпоже Манекен, которая уже не была третьей справа, она быстро зашагала в направлении, подсказанном ей врожденным тувийным чутьем. Туве предстояло многое сделать, но для начала – нанести анимарисунок, исполнить танец и нагулять жирок.

Госпожа Манекен дрогнула от порыва налетевшего ветра, и, будто пытаясь махнуть Туве в ответ, завалилась на бок.

**

Сердце Купола сильно отличалось от нарисованного на-

шим воображением: ни пультов, ни экранов, ни проводов – лишь мягко светящиеся стены, чаша бассейна в центре и «кафедра» перед ним. Жидкость в бассейне я сравнила бы с зеркалом, если б не ее ярко-голубой цвет с иногда пробегающими по глади искорками. «Кафедра» напоминала огромную каплю, нарушившую по чьему-то капризу законы природы и желающую взлететь от пола к потолку. На ее сферической поверхности имелась выемка – пятипалая ладонь, правда, превосходившая размером даже грюновскую. Гладкий парусный свод зала покоился на полукружьях, занятых хаотичной мешаниной из *маскаронов*. На мой взгляд, ваятель вложил в свое творение излишний натурализм. Далеко не все лица были наделены красотой или обаянием. Некоторые кричали, широко распахнув глаза и раззявив рты, или плотоядно скалили крупные зубы, другие зажмурились, точно робея перед чем-то. Они налезали друг на друга, местами сминались, слипались, сливались, подобно *зиамским близнецам*. Кем были эти существа? Старшими Братьями? Жителями мифической Эatlандиды? А может, туве?

Мы разбрелись по зале, осторожно ступая, стараясь не приближаться к бассейну и не касаться стен, на которых при ближайшем рассмотрении обнаружилась странная переливчатая пленка, едва различимая и подвижная. Вскоре Кирна заметила такую же на дверном проеме. Готова поклясться – ее не было, когда мы входили! Кажись, вернуться тем же путем нам не удастся... Впрочем, если придется –

попробуем.

Я разглядывала каплю-кафедру, когда позади меня возник Фрай.

– Пора выполнить свои обязательства, сладенькая. – Он подал мне бумажку с написанной от руки абракадаброй, похожей на таблички в музее. – Здесь и транскрипция есть. – Фрай услужливо ткнул пальцем. – Будь умницей, Мэйби. Вложи ладошку в выемку, прочти, и до гробовой доски я буду твоим должником.

Николас решил за меня:

– Опять к девчонке пристаешь?! Сказано же – отвали!

– Мэйби, лучше бы тебе сейчас послушать меня, а не твоих слабоумных друзей! – угрожающе процедил Фрай, сунув мне записку.

Он отошел к стене и заложил руки за спину, выжидающе воззрившись на меня. Я покрутила бумажку, тщетно пытаюсь уяснить смысл написанного и надеюсь на озарение. Тем временем к Фраю, видимо, считая его зачинщиком безумного путешествия под землю, опасливо шагнул Аксель и тихо поинтересовался: «А когда я смогу увести Мэйби домой?» Недостаточно тихо – я расслышала и не преминула встрять:

– Для начала Мэйби хотела бы таки узнать, что в этой писульке!

– Не зли меня, конфетка, – окрысился Фрай, затем мягко, почти нежно, ответил цыганину: – Конечно, Аксик. Домой или куда угодно еще. Вот только лапочка упрямится.

– Милая, тебе ведь несложно... – начал увещевать меня супруг.

– Помолчи, любимый! – мне не удалось изгнать из голоса раздражение. – А что ты сделаешь, Фрай? – насмешливо спросила я. – Сломаешь мне палец?

Удача *переполняла* мое тело, я буквально осязала ее. И чувствовала себя неуязвимой. К сожалению, у тел моих друзей было хоть отбавляй слабых мест. Да один только Аксель представлял собой сплошную *охиллесову пятау* (жил в древности такой непобедимый герой с дефектной конечностью, из-за которой и погиб).

– Вовсе нет, – парировал Фрай, сопроводив слова зубастой ухмылкой. – Я продырявлю твоему увальню-муженьку коленную чашечку, а если нервишки вконец сдадут и рука дрогнет, заодно и яички отстрелю.

Кастет-лучемет нацелился на Акселя. Супруг тихонько заскулил, но даже не попытался отодвинуться с траектории стрельбы. От одного вида мужниной овечьей физиономии мне захотелось орать и топать ногами. А чего еще ожидать от человека, последние полгода считающего себя фермером двадцати лет от роду? После я его непременно застыжу!

К счастью, остальные незамедлительно поспешили на выручку. Данике перехватил поудобнее крышку от технического люка, Николас угрожающе постучал половинками робота друг об друга. Кирна, неприкрыто радуясь возможности размять чье-нибудь мурло, повела плечами. Итак, с одно-

го фланга к Фраю подбиралась блондинка, с другого – док, а Валехо надвигался с фронта. Из-за бассейна подтягивались Грюн с Владиленом. Мои фактически безоружные друзья намеревались, судя по всему, идти в *психическую атаку*. Если честно, выглядели они скорее комично в белых идэнских комбинезонах. Впрочем, как говаривала Туве, важно намерение.

Аксель стоял, ошарашенно хлопая глазками.

А глазки мистера глюка метались по фигурам наступающих. Я впервые видела на Фраевом лице признаки паники. Однако, предпочитая не давать ему повода проделать в комнибудь дыру, я, наконец, приняла решение. Моя ладонь глубоко погрузилась в выемку на кафедре, ощутился легкий укол, контур пятерни засветился голубым.

– Слово! Произнеси слово! – Фрай не требовал, а почти умолял. Краем глаза я заметила, как Кирна вышла на дистанцию прыжка.

Никто из нас не предполагал, к чему приведет нажатие таинственной «кнопки». Из резервуара заструился туман, повеяло... Такой запах приносит ветер пустошей на исходе лета. Аксель, вернее, тот, кем он был раньше, называл его *ароматом осенней грусти*. Густая молочно-белая дымка оплела наши ноги, а над бассейном из нее начало формироваться... лицо. Будь мы персонажами историй про отважных покорителей космоса, которые мне доводилось когда-то читать, нам предстал бы прекрасный женский лик, в чьих гла-

зах сияла бы мудрость тысячелетий. Но поскольку мы вовсе не книжные герои, пришлось созерцать мужскую физиономию, напоминающую довоенного актера Гварценеггера массивностью и резкостью черт в сочетании со своеобразным обаянием. В отличие от маскаронов на стенах, лик являл собой эталон бесстрастности.

Тут лицо, несколько секунд остававшееся неподвижным, заговорило. Туман виртуозно артикулировал – губы шевелились точно живые. Одна беда, предложение прозвучало на абсолютно незнакомом языке.

– Слово! Ну же! – буквально простонал Фрай, на мгновение ослабив бдительность. Кирна немедленно воспользовалась шансом и, совершив великолепный кульбит, связала врага в рукопашной.

Туманный Гварценеггер повторил реплику, и – о чудо! – кажется, я разобрала отдельные слоги. Да, язык не походил на Всеобщий... но и предок бывает непохож на своего далекого потомка. В меня уперся изучающий взгляд дымчатых глаз. Собеседник ждал ответа. Беспомощно всплеснув руками и стараясь отвлечься от свалки, развернувшейся позади, я тихо пискнула: «Не понимаю...» – единственную фразу, подходящую к случаю, но, по сути, бессмысленную.

Фрай успел-таки выстрелить. Сверкнула ослепительная розовая вспышка. Данике с несвойственной ему прытью грохнулся на пол, громко лязгнув зубами. Заряд оставил в ежике его волос неглубокую бороздку и без всякого вреда

для интерьера *впитался* в стену. По ней, точно от брошенного в воду камня, разошлись круги.

Кирна теснила Фрая к краю бассейна, из которого продолжали изливаться клочья тумана. Не иначе как она рассчитывала утопить противника. Судя по всему, мистера глюка такая мысль тоже посетила. И придала сил – вдавив ботинок в живот Кирне, он оттолкнул ее. Девица потеряла равновесие и упала навзничь. От удара затылком об пол глаза ее закатились, тело обмякло.

– Ну, говнюки, значит, будет по-плохому! – тяжело дыша, Фрай навел оружие на Ника. Тот машинально прикрыл живот половинкой робота-няньки.

– Я, Идэн, ожидаю команды, – теперь лик обращался ко мне на Всеобщем.

– Останови его! – скороговоркой выплюнув слова, я ткнула пальцем в мистера надоед-уже-тут-командовать.

Наш злой гений, собиравшийся испытать Николаса и робота-няньку на прочность, вдруг застыл. Не преувеличу, если добавлю «как громом пораженный». Глаза Фрая дико вращались, грудь вздымалась едва-едва.

– Только не убивай его! – в конце концов, Фраю еще предстояло вернуть Акселю память. Прежняя наша сделка вряд ли отныне актуальна – я продиктую новые, *свои*, условия.

Почему разум Купола признавал за мной право приказывать ему, хотя каких-то три часа назад я была всего лишь

одной из пленниц? И, однако, признавал: Фрай не изменил позы, но дышать ему явно стало полегче. Цыгане столпились вокруг, тревожно поглядывая на меня и моего собеседника. Кирна очнулась и потирала ушибленный затылок. Грюн помог ей встать. Николас и Данике загалдели, перебивая друг друга:

– Пусть объяснит!

– Во имя небес, что здесь происходит?!

Идэн безмолвствовал. Я повторила вопрос. И получила вполне ожидаемый отклик – ответчику требовалась конкретика. Что ж, пытливость наша не имела границ.

Главный Робот (мысленно я поименовала его так) перешел на Всеобщий, но продолжал игнорировать моих друзей. Впрочем, роль посредника меня ничуть не затруднила. Внимая Идэну, я вспомнила поговорку, очень любимую прежним Акселем: «Меньше знаешь – крепче спишь». Мы тщетно силились охватить информацию, переварить ее, *принять* наконец. Не скажу за остальных, а вот меня в ближайшее время точно ожидают бессонные ночи.

Услышанное рушило наш маленький мирок, безжалостно разбивало его, как упавшую на бетон лампочку. Что чувствует молодой сурок, впервые покинувший нору? Что ощущает детеныш живоглота, когда сквозь треснувшую скорлупу его тесного уютного обиталища прорывается свет? Надо полагать, ничего. Просто начинается новый этап своего существования. Зверушки свободны от абстрактных страхов, мыслей

и переживаний. А вот люди и туже – нет. Оставалось надеяться, что нас, фигурально выражаясь, не погребут под собой осколки скорлупы, а солнце не выжжет глаза.

Идэнские машины действительно создавались не руками людей. В битву против неведомого врага, битву, затерявшуюся даже не в сумраке веков, а в непроглядной тьме тысячелетий, битву *по-настоящему* великую их бросили эстари. Главный Робот исправно снабжал нас координатами и названиями *империй*, во владениях которых находились *миллионы* планет, десятки и сотни систем.

Звездные государства – людские, эстарийские, *эйрайские*, *маллорские*, да всех не перечислишь – стали вынужденными союзниками в грандиозной войне против чудовищ, названия которых также ничего не говорили нам. «*Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет*», – писал давно один поэт. В данном случае речь шла о смерти – какие имена ей ни придумывай, ее лицо, ее жестокая справедливость от того не изменится. *Финдаианцы*, *драуглары* – похоже на третьесортную научную фантастику. Совместных усилий этих тварей хватило для зачистки большей части обжитой Вселенной. Конечно, люди, эстари и иные существа вносили в процесс весомую лепту. «В космосе не слышны взрывы, – крутилось в голове, – но кого это гребет?» По-моему, нечто подобное выдал в интервью автор киносаги «Космические войны». В самом деле, кого это гребет, когда пламя орудий пожирает не континенты, не планеты, а *созвездия*?

В данном отношении, надо отметить, война вселенская ничем не отличалась от любой другой – взаимное истребление и припорошенные пеплом руины. На которых и поднялась наша жалкая цивилизация, в гордыне своей считавшая себя уникальной.

Точнее ее подняли роботы.

Что заставило механизмы, созданные для войны и разрушения, озаботиться спасением уцелевших? Наверное, мы не узнаем этого никогда.

Роботы решили проблему достаточно радикальным и при том ненадежным, на мой взгляд, способом. Однако это *могло сработать*. Конечно, самопровозглашенные божества не довольствовались ролью наблюдателей. Скрупулезно собрав и обработав данные о *Земле*, планете-прародине человека, они принялись за воссоздание эволюционного пути рода людского. Им пришлось немало потрудиться, перекраивая континенты, экосистему, видовой состав биосферы Эос. Заодно, кстати, совершенствуя имеющийся в наличии генофонд подопечных. Впрочем, если я правильно поняла, искусственный разум исключил из процесса становления человечества всякие случайности и несущественные, по его мнению, детали и периоды, ощутимо тем самым этот процесс сократив. И к чему это привело?

Блин вышел комом. А в конце еще и *подгорел* – ха-ха, оцените шутку!

Эстарийским машинам было невдомек – людская цивили-

зация развивается лишь во время конфликтов и в краткий период после их окончания.

Люди всегда остаются людьми, причем зачастую в самом отвратительном смысле этого слова. Полагаю, древние не сильно отличались от нас, убивающих друг друга на обломках мира, который медленно истирается из памяти, становясь красивой легендой. Ты слушаешь ее вечером у костра, вздыхаешь о невозвратном, завидуешь благополучию предков, утираешь скупую слезу, а утром берешь подзаржавевший «сорок пятый» и отправляешься со своими дружками-головорезами на поиски воды, еды и развлечений. Не стеснясь в процессе вышибать мозги вставшим на твоём пути. Только наши пращуры, сражавшиеся с драугларами и финдаианцами, в руках держали не винтовки и револьверы, а какие-нибудь световые мечи или штуки вроде фрэевского лучемета.

Цивилизация на Эос была лишь эхом, принятым за первоисточник звука, громадным пазлом без схемы сборки в нетерпеливых руках. Кусочки мозаики, даже не стыкующиеся с соседними, планомерно вколачивали в полотно. Если бы не роботы то, вероятно, Кенимор Фупер не стал бы писателем, Джордж Гуш – президентом, а Орнальд Гварценеггер – актером. О небо, да они могли не родиться вовсе! И все же их, как и многих других людей, поместили на *требуемые* места, дали *правильные имена*, заставили делать *то, что нужно*. Неужели Великая Война – первое по-настояще-

му самостоятельное решение народов Эос?

Нет, не роботы, возложившие на себя тяжкое бремя пастырей, повинны в ядерном апокалипсисе. Выпас овец и то непростая задача, а им пришлось иметь дело с волками. Когда и почему звери вцепятся друг другу в глотки – вопрос времени и случая. Похоже, создатели идэнских жестянок сильно отличались от людей. Но их, по словам Фрая, больше нет, Вселенную наследует Человек. И ей очень повезет, если в обозримом будущем он образумится или сдохнет.

В моих же венах текла эстарийская кровь, поэтому сейчас я командовала Главным Роботом. Надпись на языке моих предков над пятипалой выемкой гласила: «Прикажи мне, если достоин повелевать». Значит, я достойна?

Я оказалась невысказанно удачной мутацией. Настолько удачной, что ее следовало считать *эволюцией*. Настолько удачной, что роботы *запустили меня в серию*. Настолько же удачной, насколько *удачливой*. Впрочем, удачливость моя относительна. Семьдесят восемь моих предшественниц сложили в пустошах свои ушастые головы – средняя продолжительность *моей* жизни вне Купола составляла меньше года. С другой стороны, вдруг я *самая удачливая из всех*? Ведь семьдесят восемь милашек Мэйби, или как их там звали, мертвы, а я – нет. Но что если так думала каждая из них? И зачем сделали столько *запасных мэйби*? Ноги мои подогнулись, и я опустилась в туман, запах осенней грусти окутал меня.

Мое бегство, как и мое возвращение, подстроили. Скусающая длинноухая девчонка снова и снова отправлялась во внешний мир, где встречалась с людьми, заводила друзей и врагов, любила и ненавидела, а потом умирала. Великая Пустошь отторгала ее, ясно давая понять – ей не выжить здесь. Никогда. Даже будь она исключительно удачливой. Роботы постоянно следили за мной, оценивали успехи и в конце забирали бездыханное тело. На сей раз они заодно прихватили моих товарищей.

– Что ты предпримешь теперь? – я ощутила себя беспомощным ребенком, требующим отчета у родителя.

Прежде чем ответить, лицо не шевелилось несколько секунд. Должно быть, могучий и древний разум принимал невероятно трудное решение.

– Я... допустил ошибку. Придется все начать сначала. Оставшихся в Куполе людей, твоих клонов и островных *тари* должно хватить. – В голосе, ранее практически лишенном эмоций, просквозило усталое отчаяние, охватывающее мастера, проделавшего долгую трудную и из-за упущенной в процессе незначительной ерундовины бессмысленную работу. – Я попробую снова...

Идэн собирался начать новую партию, скинув с игрового поля старую колоду. Двойки и тройки полетят во мрак небытия в компании королей и тузов, а затем игрок вскрыет новую коробку карт и вновь сядет за пасьянс, который невозможно разложить.

Я, надо полагать, выполняла в колоде роль джокера.

На застывшей роже Фрая проступило выражение, характерное для кота, загнавшего в угол слишком хитрую, верткую и наглую мышь. Он, пожаловавший со *Старой Земли*, расположенной в созвездии Глаза Дракона, проделал весьма долгий путь из-под левого ока небесного ящера и учел все детали. Мое любопытство должно было закономерно привести к этому вопросу. А услышав вердикт, я не имела права оставить все как есть.

У меня уже зародились догадки о значении слов, которые по уговору Фраем мне надлежало прочесть, но я хотела удостовериться.

– Переведи это! – я показала бумажку Идэну, поднимаясь на ноги.

– Команда, инициирующая полное отключение.

До боли сжав кулаки, я смотрела на лик, напоминающий актера из стародавних времен, которым прикрывалась машина, взявшаяся судить нас. Допущу ли я ошибку, озвучив приказ на наречии создателей Идэна? Ведь сейчас мне предстояло взвалить на себя ответственность за род человеческий. Ну почему же остальные молчат?

**

Я много размышляла о случившемся позднее. Зачем роботам создавать кого-то, способного ими командовать? Это же вопиющая глупость! Где логика, которой они обязаны руководствоваться? Я нахожу единственное объясне-

ние: искусственный разум тяготился лежащим на нем долгом и жаждал появления существа, способного освободить его от ноши.

Да, сотворенный мной акт уничтожения единственного оплота мира на Эос отдает безумием. Я могла отдать любой приказ. Например, охранять нас от вторжения из космоса, дезактивировать ядерное оружие, помочь в очищении планеты от радиации... Или эосцы должны наконец стать полностью самостоятельными? Надеюсь, мы готовы для этого.

И... наверное, Идэн возвратил бы прежнего Акселя. Или нет? Или я должна *сама* найти его?

**

Резко дернувшись во сне, Тиана грохнулась на пол. Соприкосновение с прохладным пластиком быстро привело ее в чувство. Прохладный... А вот сон, наоборот, переполнял жаркое пламя, желанное и пугающее одновременно. Страхнув с себя остатки грезы, она уселась на краешек двуспальной кровати. Человек, лежащий на другой половине, заворочался и негромко захрапел.

Ночнушка пропиталась потом, Тиана брезгливо стянула ее и отбросила. Так всегда бывало после снов про пожары и взрывы. Она томилась, испытывая неясную, необъяснимую потребность в... чем-то. К утру обычно все меркло, но сегодня ощущения проявили себя с прямо-таки невероятной силой.

Начало ее мучениям положили те психи, собиравшиеся

в парке и утверждавшие, будто ей, Тиане, уроженке Идэнского купола, подменили память. Попросту промыли мозги. Ерунда, конечно. Она прекрасно помнила себя лет эдак с двух. Помнила, как выбирала имя, ходила в школу, задувала свечи на «тортике совершеннолетия»... Людей, укравших ее покой, Тиана также знала с детства. Вот, например, с Мэйби она сидела за соседними партами и, прямо говоря, недолюбливала.

Но теперь маленькие радости жизни потеряли смысл. Не радовал уход за милыми морскими свинками и кроликами, не радовал секс, прогулки... Не радовало *все*.

Когда Тиана пригрозила донести на безумную компашку в службу безопасности, от нее, само собой, отстали. А вот покой и умиротворение, раз покинув Тиану, больше уже не возвращались. Потом начались сны, и стало совсем невмоготу.

Эльхаим с тоской обвела глазами жилой пузырь. Блуждающий взгляд случайно упал на крючки для одежды, где рядом с комбинезонами (ее и мужа) висела сумочка дразняще-яркого алого цвета (*цвета пламени*). К ремешку была приколота записка: «Нажми кнопку и увидишь *настоящий огонь*». По телу Тианы пробежала судорога предвкушения, она раз за разом перечитывала последние слова. Сунувшись в сумку, она обнаружила гладкий металлический брусок с красным кругляшком по центру. «Бред какой-то», — мысли неслись с лихорадочной быстротой, путались, сталкивались друг с другом. Длинные Тианины пальцы дрожали,

она была вынуждена вновь присесть на кровать и положить неведомое устройство с единственной кнопкой на подушку. Кровь стучала в висках, пот струился по животу и спине. Возбуждение, испытываемое Тианой, напоминало сексуальное, но тем не менее отличалось от него, *превосходило* его. Ей хотелось нажать, хотелось увидеть *настоящий огонь*. Рассудок Эльхаим раскачивался, ходил ходуном, как корабельная палуба в шторм.

«Ну, давай же, Тиана», – прошептал вкрадчивый голос в ее сознании. Тот самый, который разбудил ее несколькими минутами ранее!

Она не видела смысла противиться своему странному желанию, но если и существовали объективные причины бороться с искушением, вряд ли Тиане удалось бы сдержаться. Утерев лоб, она схватила пульт и вдавила кнопку до упора. *Настоящий огонь!* Удовольствие, сладостное и долгожданное, пронзило ее тело, пробежало по нему могучей волной и прорвалось наружу пронзительным криком. Широко распахнутые глаза Тианы наполнило пульсирующее розовое пламя, в котором спустя мгновение растворился свод пузыря, кровать, спящий мужчина, пульт, весь Идэнский купол. И она сама.

**

Мэйби покосилась на клочок бумаги. Древние слова, певучие и вместе с тем властные, эхом разнеслись под сводами. На лице, висящем над бассейном, проступила печаль. И об-

легчение. Наблюдавшие за девушкой маскароны застыли навеки в немом изумлении. А в следующий миг...

Данике померещилось, что губы Фрая скривились — он силится произнести какую-то фразу. Док наклонился ближе, на всякий случай перехватив поудобнее керамический люк.

— Ну... давай же, Тиана! — речь определенно давалась мужчине с невероятным трудом.

Данике вопросительно изогнул бровь, Фрай ответил ему ухмылкой. Издевательской ухмылкой победителя.

**

Работа, которой занимался мистер Максимилиан Фрай, требовала недюжинного ума, глубокого понимания человеческой натуры и смелости в сочетании с изрядной долей здорового авантюризма. Решившись явиться в Идэнский купол во плоти, он рисковал очень многим, однако разнообразные и безусловные таланты Маки сослужили ему хорошую службу и здесь. Не учел он только одного: Кирна Лавджой предпочитала видеть неприятных ей людей *мертвыми* вне зависимости от обстоятельств.

Отпихнув Данике, девица бросилась на Фрая. Ее мало заботила логика этого действия. Просто-напросто хотелось прикончить говнюка, который причинил ей боль. Кирна привыкла потакать порывам, поэтому спустя пару секунд она уже сидела на Маки верхом, пытаясь разmozжить его затылок о край бассейна. Никто даже не успел сообразить, как себя вести, к кому кинуться на помощь. Николас неуверен-

но шагнул к дерущимся, Аксель, взвизгнув, в ужасе закрыл лицо ладонями. Прочие оторопело следили за мерными короткими движениями Кирниного кулака, сжимавшего Фраевы вихры.

В паре сотен метров над ними Тиана после недолгой борьбы уступила своей маленькой слабости, вдавив красную кнопку на устройстве, неизвестно как попавшем в ее жилой пузырь.

В нескольких десятках тысяч километров над Идэнским островом автоматика фраевского космического челнока послушно восприняла сигнал как раз тогда, когда Мэйби Туморроу проговорила заветные слова, обесточив многочисленные внешние барьеры. Поток энергии, сплетенный в могучий плотный луч, ринулся вниз, к поверхности Эос. Жадное небулитовое пламя врезалось в Купол, обращая его в ничто.

Мистер Фрай предполагал в момент отключения идэнских защитных полей незамедлительно *вознестись на небеса* (само собой, не в том смысле, какой обычно вкладывают в подобные выражения). Помимо защиты от внешних воздействий, барьеры надежно блокировали все сигналы, исходящие из Купола. В числе прочего и телепортационные лучи. Но, как легко заметить, первоначальный план дал сбой.

Как спасся Маки Фрай в тот злополучный день? Туве сказала бы: «Он уцелел, ибо роль его не сыграна до конца». И все-таки, скорее, это случилось по совершенно иной при-

чине. Внутреннее ядро Купола, выполненное из эстариийской *призрачной стали*, поглотило мощь турболазерного выстрела, сохранив жизнь всем, находящимся внутри, – и правым, и нечестивцам.

**

Рев бурлящей воды и шипение пара подавили остальные звуки. Пол качался и подпрыгивал, точно бык на родео, но Кирна продолжала молотить Фрая затылком о кромку бассейна. Еще пара ударов... Входной портал пронзительно вспыхнул ядовито-розовым, но что-то не пустило взбесившиеся энергии внутрь. Кирну оторвало от пола и с силой бросило в стену.

Данике ухватился за край бассейна; другой рукой он поймал бесчувственное тело Фрая. Над головой доктора просвистела крышка люка. Чуть поодаль рухнул Николас, пораженный в висок половинкой робота-няньки, а затем предательская штука, срикошетив от свода, с хрустом вонзилась ему в грудную клетку. Вторую полусферу отловил и нахлобучил на голову вместо шлема Тушкан. Этот еще каким-то чудом умудрялся сохранять равновесие, но и он не продержался долго. Владилена, Аксея и Грюна расшвыряло, точно сбитые шаром кегли. Помещение встало на бок.

Мэйби вцепилась в барельеф, избегнув таким образом многочисленных травм. Прямо над ней Данике из последних сил удерживал Фрая на вытянутой руке. В следующее мгновение в Мэйбино поле зрения, стремительно крутясь, влете-

ла крышка технического люка и отсекала Фраево предплечье с аккуратностью гильотинного ножа.

**

Жуткая боль привела Фрая в себя. Он валялся стиснутый между двумя скульптурными уродцами, из обрубка руки хлестала кровь, гарантируя неминуемую гибель в следующие несколько минут в случае непринятия мер. В голове промелькнуло искаженное яростью лицо Кирны и ее белые цепкие пальцы. В затылок словно натыкали иголок. Почему он не сопротивлялся? Ах да, мерзавка Мэйби приказала *остановить* его! Однако же *теперь* Фрай мог принимать меры, и остановить его было некому. Он искренне возблагодарил обстоятельства за потерю конечности, вернувшую сознание. Рука – дело наживное. А вот белобрысая стерва чуть не создала ему по-настоящему серьезные проблемы. Скорее всего, убила бы. Впрочем, ни она, ни ее друзьяшки уже никому не создадут проблем. Это радовало.

Времени забрать дезинтегратор не оставалось. Сильно надавив языком на имплант в зубе, Фрай задействовал телепортационный луч и очутился в безопасности родного челнока. Не обращая внимания на кровь, заливающую пол, устало плюхнулся в регенератор – сейчас он имел полное право отрубиться.

Глава третья

Голова моя трещала, на лбу набухла здоровенная шишка, правое ухо саднило, но в целом Мэйби Туморроу легко отделилась. Поморгав, я осмотрелась. Зал управления Куполом был перевернут кверху дном. Яркий солнечный свет лился во входные порталы, оказавшиеся под «потолком».

Едва поднявшись на ноги, я пошатнулась и рухнула обратно, пребольно ударившись копчиком о высунутый язык маскарона. Почему перед глазами все плывет? Ой, нет! Это не перед глазами плыло, а зал покачивался! Отсюда и предательски заплетающиеся ноги. Кое-как вскарабкавшись по рельефам и высунувшись наружу, я первым делом получила в лицо порцию холодных соленых брызг. Похоже, цыгане изменили статус сухопутных бродяг на мореплавающих... или океаноплавающих.

Тела моих друзей лежали в живописнейших позах. Данике крепко сжимал чье-то бледное обескровленное предплечье. Тревожно оглядев присутствующих, я, к несказанному облегчению, не нашла среди нас бывшего обладателя отсеченной части тела. Тут-то мне вспомнились подробности того, как Фрай потерял руку. Сам мистер глюк пропал. Что ж, ведь галлюцинациям так и полагается себя вести.

Спустившись, я двинулась к остальным, с трудом балансируя на вогнутом раскачивающемся «полу». В общем и целом

нам повезло. Кирна отделалась рассеченной щекой и вывихом плеча, Грюн жаловался на боль в спине, Тушкану придавило хвост, Данике подвернул ногу. Аксель благодаря Владилену, прикрывшему его своим телом в расщелине за кудрями маскарона, почти не пострадал и теперь мирно спал. Хуже всех пришлось Нику. А как бы вы себя чувствовали, если б у вас под ребрами торчало металлическое полушарие? Хорошо хоть, по заверению дока, ранение было неглубоким. На бинты разорвали низ грюновской фуфайки, превратив ее в кокетливый топ. Ну и до кучи все обзавелись синяками самых разнообразных форм и размеров.

Обвалившиеся куски рельефов, по счастливой случайности, никого не пришибли. Не говоря уж об увечьях, которые могла нанести крышка люка, летающая во время бедствия по залу, как обезумевшее лезвие мясорубки. Собственно, Фрай стал ее единственной жертвой.

Положение наше тем не менее удручало. Достаточно сказать, что руку Фрая Николас не выбросил в океан, а спрятал в укромное прохладное место – раззявленный рот одного из ликов. Все старательно изобразили блаженное неведение, но никто не потребовал выкинуть этот *кусочек мяса* за борт.

Прежде док аккуратно высвободил из омертвевших Фравых пальцев лучемет, тщательно осмотрел и... направив вверх, пальнул. Что бы раньше ни защищало сердце Идэна от вредоносных энергий, оно исчезло. Сноп ярких фиолетово-розовых лучей пробил в «потолке» десяток дыр, в любую

из которых я, пожалуй, без труда протиснулась бы. Затем Данике с важным видом сунул оружие в карман. Лучше бы в следующий раз он применил шутовину с умом.

Итак, мы оказались посреди безбрежного океана в уютной посудине, отнюдь не предназначенной для плавания, которую наверняка потопит первый же шторм. Без воды, еды и возможности управлять нашим «кораблем». Скользя взглядом по моим гладким бокам, Кирна заявила, что лично ее проблемы с едой волнуют в последнюю очередь. Еще посмотрим, кто кого сожрет! Правда, если она объединится с Грюном, шансов у меня будет маловато.

Очнувшийся Аксель-фермер не замедлил излить нам в уши свои жалобы и претензии. Немного погодя к нему добавил плач Декстера. Нет, он, разумеется, не лил слезы, но, как приличествует суровому уроженцу Мессики мужского пола, поминал Тиану посредством распевного перечисления многочисленных достоинств покойной. Подавляющая часть их, по-моему, была скорее заслугой ее родителей, нежели самой девицы: ласкающие глаз изгибы тела, сочные губы или, например, манящий пупок... Грюн, слушая про «перси, подобные созревающим дыням», сокрушался вместе с Декстером. Наконец, Кирна предложила трем нытикам заглохнуть. Впрочем, мы все в той или иной степени тосковали по взбалмошной красотке. Кроме Николаса, который не успел толком познакомиться с Тианой (даже успеет он, вряд ли счел бы ее смерть ощутимой потерей для социума, если я правильно

разобралась в его характере).

Неожиданно Тушкана посетила нездоровая идея броситься в океанические волны и поискать Тиану там. Звучит как оголтелый идиотизм, но пылкая мексиканская натура обязывала Декстера проявить безудержную храбрость и продемонстрировать всю горечь потери. Пока мы отговаривали хвостатого от нелепой затеи, выворачивали ему руки и не пускали к дверям, Николас узрел нечто, разом улучшившее наше настроение. А именно – сушу.

В том, что перед нами не континент, сомнений быть не могло. Взгляд легко охватывал крохотный пятачок зелени на границе безбрежной лазури неба и океанских волн. Ослепительно-белый песок пляжа, к которому нас угодливо несло течением, сменялся густыми зарослями, кое-где, однако, изъязвленными желто-бурыми проплешинами. Последнее слегка поумерило нашу радость – если сюда в войну пришелся удар, например, по секретной военной базе, то нам лучше бы причалить в другом месте. А потом остроглазая Кирна заметила на пляже человека. Вот это было уже *кое-что*. Мужчины принялись изо всех сил грести крышкой от люка и половинкой робота.

Едва наш «корабль» сел на мель, мы попрыгали в теплую воду и устремились к нежащейся на солнышке особе. Отсюда уже не составляло труда рассмотреть, что особа эта – женского пола. Девушка лениво повернулась на шум, бесстыдно выставив напоказ увесистые груди и мясистый животик. Я

резко затормозила, и идущий за мной Аксель врезался в мой затылок подбородком. Декстер присвистнул. Кажется, узнали ее все.

Перед нами была Туве. Загорелая, гладкая, упитанная даже, и абсолютно голая. В руках девица держала кусок фольги. Надо полагать, чтобы шея тоже загорала.

Уж не родственница ли? Я мысленно сравнила встреченную девицу с одним из незаконченных натановских набросков Туве. Те же черты лица, но массивнее и грубее. Анимаразметка напоминала аналогичную у нашей Туве, но вместе с тем отличалась так же неуловимо, как и черты лица.

Позже я нисколько не удивилась, узнав ее имя. Тоже Туве. С заглавной буквы, поскольку она полагала себя достаточно важной для этого. Особенно с тех пор как ее младшая сестра, за которой приходилось присматривать, убрела из Долины. И все равно я продолжу, невзирая на притязания девицы, начинать ее имя с буквы маленькой. По крайней мере, пока не уверюсь в том, что наша рыжая подруга, Настоящая-Туве-С-Большой-Буквы, покинула эту историю навсегда. Жаль, никто не додумался уточнить, как их различали в моменты равнозначной важности обеих. Я бы послушала, как туве выкрутится. Хотя сестер объединяла манера не затруднять себя пояснениями ответов, очевидных для них самих.

Девица уселась на шезлонге, потянулась, вскинув руки, и лениво зевнула. Грюн оценивающе скользнул взгля-

дом по смуглой фигурке, наверное, прикидывая достоинство в черепах. Остальные мальчики также не замедлили отдать должное обнаженным прелестям. Подняв с песка радиоприемник, туве сосредоточенно покрутила тумблер настройки – раздалось немзыкальное шипение. Выключив устройство, она, наконец, почтила нас вниманием.

– Приветики, – произнесла она с характерным акцентом, который я замечала и у Туве. – Поспешите, только вас небось и ждали. У Дома накрыты столы. Если хотите кушать, попросите у Мамы супа и блинов.

Мы озадаченно обменялись взглядами. У кого-то при слове «кушать» заурчало в животе.

– Ну, или двигайте сразу в Горный Дом, – продолжила туве.

– Игорный? – Ник почесал затылок.

– Классные сиськи, – восхитился Аксель и незамедлительно схлопотал от меня подзатыльник.

– Благодарю, я тщательно за ними ухаживаю, – слегка покраснев, туве выпятила свои буфера, подперев их руками снизу и прогнув спину.

– Чика, в самом скором времени я вознагражу тебя за усилия! – Декстер расправил сутулую обычно спину. – Заодно проверю, хорошо ли ты ухаживала за остальным своим богатством.

Туве одарила повесу улыбкой, поощряющей к дальнейшему излиянию комплиментов. Тушкан похотливо облизнулся.

Интересно, насколько он компетентен в танцах и постройке гнезд? Подозреваю, без этого не обойдется.

Данике, стоя в сторонке, сосредоточенно тер глаза, пару раз ущипнул себя, затем укусил за руку. Я могла его понять. Происходящее смахивало на сон. Для некоторых из присутствующих эротический, для прочих – бредовый.

Незнакомку осадили с вопросами. Но проку от ее ответов было меньше чем никакого – девица с готовностью общалась, неуклюже кокетничала, однако сказанное ею только сильнее все запутало.

От нее мы узнали о Долине за лесом, где стоит Дом, в котором проживают Мама, Папа, туже (не являющиеся при этом их дочерьми) и куча других существ, чьи имена я не осилила запомнить. Рассуждения мозговитых мужчин про правомерность называть остров долиной девица не прокомментировала, сочтя, наверное, шуткой. Нас она приняла за уроженцев другого острова. Видимо, аборигены неплохо пережили конец цивилизации на большой земле. Туже рассказала про «картины в небе», после которых начали желтеть сосны. Про то, как в середине сентября пошел снег, и обитатели Долины, поужинав, легли спать в Доме. Про то, как, проснувшись весной, обнаружили на веранде мертвого Ффыска и набили из него чучело. «Ну не закапывать же его, в самом деле, – заметила туже по этому поводу. – А так получилась отличная вешалка».

Николас тем временем вырыл половинкой робота ямку

в песке, где и захоронил многострадальную Фраеву конечность.

В итоге мы двинулись в гору, увлеченно обсуждая услышанное. По предположению Владилена, нас занесло в страну духов. Данике с Ником не могли выбрать между царством мутантов и психологическим экспериментом роботов. Грюну было все равно, хотя он отметил, что, по его сведениям, царство мутантов располагается совсем в другом месте. Ну а Кирна презрительно фыркала при каждом новом домысле.

Вслед нам неся крик туже, просившей прислать сюда кого-нибудь с бутылкой сока.

**

Восхождение заняло около десяти минут. Местные обитатели явно любили ненавязчивый комфорт – ведущую на пляж тропинку снабдили, где нужно, удобными ступеньками и веревочными перилами. Вокруг нас разлился чарующий аромат хвои, сосновой смолы и грибов. Все же, войдя в лес, мы почувствовали себя неуютно. Мертвые стволы, толстый ковер из желтой и кирпично-красной хвои на земле, невысокие молодые деревья, растущие пучками от одного корня, корявые, с клочковатой кроной и пролысинами – все наводило на мысли о зоне поражения, мутациях, лучевой болезни. К несчастью, вооруженного дозиметром Наташа с нами не было. Но цветущий облик туже обнадеживал. Когда кто-то брякнул слово «радиация», всполошился Аксель и наотрез отказался двигаться дальше. Ну прямо-таки

мул, тупой, упрямый и трусоватый, испугавшийся похожей на змею палочки на дороге.

– Эта тварь убивает исподтишка! Мы и не заметим, как умрем! – хныкал Аксель.

– Радиация рычит перед прыжком, – отшутилась я. – Услышишь – беги!

В результате мы вдвоем преодолевали лес трусцой, благо дорожка была удобная, кое-где вымощенная камнем, в других местах – хорошенько утоптанная. Остальные не торопились, пришлось дожидаться их на опушке.

Тропа продолжала подниматься, пока не вывела нас к обрыву. Пляж совсем скрылся из виду, а впереди раскинулась... Долина. К всеобщему облегчению, воронку от ядерного взрыва это место не напоминало. Так или иначе, внизу, под нашими ногами, лежал настоящий земной рай. Свежая зелень тенистых рощиц пересекалась ниточками тропинок и серебристыми лентами ручьев, мчавшихся к аквамарinovому серпу озера. Кое-где виднелись островки возделанной земли, но их было относительно немного. Склоны Долины поросли какими-то плодовыми деревьями. Ближе к перевалу их сменяли те же сосны. На противоположной стороне вздыбились скалы, подернутые голубой дымкой и увенчанные ажурной конструкцией. Эдакий фантастический замок, где засел колдун или заточена прекрасная принцесса.

В самом центре Долины, на берегу озера, словно родинка над улыбающимися губами, расположился Дом. Хотя если б

не накрытые поблизости столы, мы вряд ли догадались бы об этом: строение состояло из хаотично слеplенных друг с другом металлических полусфер и цилиндров, обильно увитых плющом. Думаю, нечто подобное мог бы изобразить художник-оригинал (или просто псих), рисующий виноградную кисть.

Фигуры, сидящие за столами, наводили на мысль, что нас действительно там накормят. Во всяком случае, безучастно глазеть на открывшееся нам великолепие показалось неразумным.

Тут-то и поджидало настоящее испытание для нашей неокрепшей психики – мы начали встречать местных жителей. Первым нас миновал огромный, не меньше трех метров ростом, чешуйчатый бугай с гребнем красно-рыжих волос вдоль хребта. Махнув четырехпалой лапой, он поздоровался с нами на Всеобщем языке и скрылся под сенью апельсиновой рощи. Мы изумленно переглянулись, а Николас даже нашел силы на ответный жест вежливости. Аксель пристроился поближе к внушительному Грюну.

Чуть поодаль мы стали свидетелями не иначе как брачных игр. Угольно-черный юноша, одетый лишь в набедренную повязку и ворох амулетов, виртуозно отплясывал перед нагой красавицей, кокетливо сидящей у просторного шалаша. Похоже, понятие «гнездо» следовало трактовать несколько шире, чем я думала. Уши танцора, длинные и вислые, подрагивали в такт движениям. Еще одна разновидность ту-

ве, надо полагать. А за спиной девушки трепетали крылья, невесомые, почти прозрачные, покрытые переливчатыми чешуйками, формирующими сложный орнамент. Девушка, обратив внимание на беззастенчиво пляшущих нас, улыбнулась и послала воздушный поцелуй, невысоко вспорхнув над землей. Почувствовав, как щеки наливаются краской, я дернула Аксея за рукав, увлекая дальше по дорожке. Остальные (последним – Грюн, ценитель женской красоты) поспешили за нами.

Дальнейшие встречи с непознанным прошли сдержаннее. Мы начали замечать общие черты у туземцев: рисунки на телах, чешуе или шерсти, амулеты и предельно легкомысленные одеяния. А потом узнали некоторые экземпляры из идэнской лаборатории. Поэтому, например, миловидная девушка с чешуйчатым хвостом вместо ног и лопоухое создание с хитрой мордочкой, напоминающее мышь-переростка, поразили нас меньше, чем могли бы. Первая наносила анимаразметку, черпая глину прямо из запруды на ручейке. Второй вытаскивал из норы подушку и матрас, очевидно, намереваясь просушить их на солнышке. Оба существа ненадолго прервали свои дела для того, чтобы тепло поприветствовать нас. Такое единогласное радушие, несвойственное жителям пустошей и гораздо более сдержанное в исполнении идэнцев, несколько пугало.

Док, запинаясь и постоянно озираясь, шел в конце нашей процессии. Вдруг он догнал Николаса и, теребя его за рукав

фуфайки, завопил:

– Такая же была в музее! Все ясно! Здесь роботы выпустили образцы в естественную среду. Даже нет – это контрольная группа! Или...

– Данике, успокойся, – Валехо мягко отстранил дока. – Вероятно, ты прав. На острове живут экспериментальные особи. Ну и пусть! Разве плохо? По-моему, недурственная идея – приударить вон за той мохнатой милашкой.

– Тпру, парни! Эта крошка уже занята! – Декстер сиганул девице прямо в объятия.

Неизвестно, чем у них закончилось, но вскоре Тушкан догнал нас. Выглядел он довольным.

Дом оказался намного больше, чем мы предполагали. Столы, расставленные на лужайке, вместили бы навскидку две-три сотни людей (или существ размером с человека), но сейчас основная часть посадочных мест пустовала. В меню, вывешенном на стволе яблони, значились рыбный суп, фруктовый салат и блины с джемом. Мы уселись на свободные места и терпеливо замерли, надеясь на правдивость приписки сбоку от перечня блюд: «Не волнуйтесь – блинов хватит на всех! Занимайте свободные скамьи, я все принесу сама. Мама».

Почти тут же из Дома появилась женщина около метра ростом, в ярком фартуке на голое тело. Да, нормы морали в Долине или сильно продвинулись вперед, или очень отстали по сравнению с континентальной частью Эос. Это уж

от точки зрения зависит. Точеную фигурку оведали, красные, как пламя костра, волосы, взбудораженные воздушным потоком, поднятым радужными крыльями. В руках женщина держала внушительную плоскую тарелку с вожделенными блинами. Мама зависла над нами и бухнула снесь на стол. Можно было ожидать от нее тонюсенького писклявого голоса, как у всяких мелких зверюшек, *героев мультипликации*, но летунья обладала приятным грудным контральто. Выяснив, чего мы хотим на третье, она предложила поспешить, поскольку Совет начнется на закате. Ее пальчик указал на замок, виденный нами с гребня холма, предварив вопрос о том, *где именно* начнется Совет. Мы жадно набросились на блины. За исключением Тушкана. От концентрации красоток на квадратный метр он места себе не находил. В отличие от Грюна, чей интерес принимал сравнительно спокойные, созерцательные формы, Декстеру явно не терпелось вкушать сладостной любви туземных дев. Ох, не осквернил бы сей стремительный ловелас местную идиллию своими низменными порывами!

– Кстати, туде просила принести ей соку, – хлопнул себя по лбу Ник, когда Мама в сотый раз пролетала от столов к Дому, попотчевав очередных гостей.

– Лентяйка! – на впечатляющей скорости Мама развернулась и резко затормозила, уперев руки в бока. – Я здесь ношусь как заводная, а она еще требует сок на пляж! Передайте ей – пусть поднимет свою... – разъяренная дама вдруг осек-

лась, уставившись на окровавленные полосы ткани на боку у Валехо, всплеснула крыльями и окончательно смутила инженера, подлетев к нему вплотную: – Это что, кровь у тебя? Ох, все вы, дети, не придаете должного значения своему здоровью. В лечильную комнату! – скомандовала Мама.

Невзирая на занятость, хозяйка лично проводила нас. По пути она рассказала о многочисленных случаях исцеления.

– Я не говорю о царапинах, ссадинах, синяках – тут и травяные примочки неплохо справляются, – но при серьезных травмах врачевальный короб незаменим. Вчера Папа сломал ногу, и сидеть бы ему сиднем до сбора урожая, а так уже через полчаса расставлял со всеми столы в саду. Ну а тот мелкий тхир?! Прыгнул с качелей и разбил голову. Когда родители привезли его сюда, бедняжка едва дышал! Ничего, полежал, отдохнул, к вечернему чаю снова носился как угорелый.

– Почему вы не положили в короб Ффыска? – не удержалась я от вопроса.

– Должно быть, мы ему надоели, – пожала крохотными плечиками Мама, – или ему приснилось что-то очень хорошее. Как бы там ни было, совершать насилие над присоединившейся к Поток анима невежливо.

– А память эта штука вернуть может? – уточнила я.

– Деточка, если нужно вспомнить, завяжи узелок, – Мама с жалостью взглянула на мое вытянувшееся лицо, но истол-

ковала его выражение неверно. – Неужели на вашем острове забыты древние знания? Нужно передать с вами копию книги рецептов Бабушки! Там есть советы на все случаи жизни.

– Спасибо, – выдавила я, с трудом унимая желание отчаянно заорать. – Я и так истратила на узелки не один метр тряпочек, ниточек и тесемок.

– Ничего, милая, бесследно не исчезает – найдется твоя пропажа. – Мама потрепала меня по щеке. – А вот мы и пришли. Устраивайся, малыш, поудобнее. – Хозяйка подпихнула Николаса к испускавшему мягкое зеленоватое свечение ящику без крышки. – Пяти минут тебе хватит. Ну, я помчалась – обратно сами! – и Мама, как метеор, вылетела в круглое окошко под потолком.

Мы осмотрели конструкцию, похожую на гроб из матово-серого металла. Внутри ложе устлала мягкая ткань с ворсинками. Откуда изливался свет, осталось невыясненным – ни тебе проводов, ни лампочек.

– Ляжешь? – спросила Кирна Ника. Ее тон недвусмысленно говорил: «Не сделаешь этого добровольно – засуну силой».

– Кажется, выбора нет. – Валехо усмехнулся.

– Ну, если у Мамы есть бинты, спирт, нитки и иголка... – с сомнением протянул Данике.

– Ладно, трусишки, счас все будет. – Я почти не пострадала при тряске в зале управления Куполом, но любопытство вместе с надеждой на исцеление Акселя затолкнули бы меня

и в атомный реактор. Кроме того, страшно мешала шишка на лбу.

Я плюхнулась в саркофаг. Через мгновение по шее будто пробежали маленькие пальчики, свечение усилилось, а потом, мигнув, вновь побледнело. Никакого другого знака не последовало. Выбравшись, я ощупала лоб – шишка разгладилась. Данике подтвердил и отсутствие рубца за ухом.

– Ура, я опять идеальна! – с излишним энтузиазмом воскликнула я.

После меня, распахав остальных, в гробик улеглась Кирна. Еще бы! Только роботы избавили девицу от портивших ее шрамов, а тут снова-здорово: вывих плеча, царапина на щеке, кровоподтеки по всему телу. Встала она как новенькая.

Мужчины также воспользовались услугами чудо-ящика. Николас с облегчением размотал заскорузлую повязку, Грюн с видимым наслаждением выпрямил спину.

– Грюн взял бы коробку с собой, – мечтательно заявил дикарь.

Данике, до того неотрывно таращившийся в сияющее нутро саркофага, резко вскинулся при этих словах. Небось, док воспринял наше восхищение устройством, как личное оскорбление. Хотя с той же долей вероятности он вспомнил о тех, кто лишен нормального медицинского обслуживания. Ох уж эти альтруисты и идеалисты! Всегда найдут над чем пострадать.

– Аксель, теперь твоя очередь, – подступила я к супругу.

– Я туда не лягу! Может там притаилась радиация! – заупрямился он.

– Радиация зарычала бы. – Ник всхрюкнул от едва сдерживаемого смеха.

В итоге Аксель все равно брыкался и хныкал, но, повторно схлопотав от Кирны в ухо, смирился. Мы дождались, пока свет мигнул, и позволили подопытному вылезти.

– Мэйби, зачем вы меня обижаете? – капризная фразочка явно не принадлежала настоящему цыгану.

Радость омрачилась. Я от злости так треснула по стене, что ссадила себе костяшки до крови. Все приуныли. Кроме Птицына, который как в воду канул. Вот только он дверь подпирал, а не нет уже Владилена. Ну и как его искать в этом лабиринте? Пора, кстати, описать интерьеры Дома.

Внешняя хаотичная его композиция влияла и на внутреннее устройство. Комнаты, залы, каморки соединялись путанными коридорами и лестницами, в том числе веревочными и приставными, имели разную форму, тяготея, однако, к шару и кубу. Количество этажей мне не удалось точно определить – то ли шесть, то ли шесть с половиной, то ли все-таки семь с четвертью. А уж убранство! Местами оно напоминало жилые пузыри в Куполе, наводя на мысль об их общем происхождении, несколько помещений были полностью обиты деревянными досками, в двух стены, потолок и часть пола оплело растение с желтыми венчиками цветов и тем-

но-зелеными разлапистыми листьями. Обстановка пестрела предметами, которые ну никак не ожидаешь увидеть рядом. Например, заваленный одеялами диван рядом с ручной газонокосилкой, приспособленной под журнальный столик, или спасательный круг с укрепленными на нем свечами над двуспальной кроватью с балдахином. Полагаю, мы никогда не узнаем, как попали сюда все эти вещи.

Наконец, имелась оклеенная обоями в узорных медальонах столовая с пузатым тяжелым буфетом, люстрой, столом и стульями, укрытыми вязаными салфетками. Рядом приутилась кухня, откуда мы и выволокли Владилена. Занятая приготовлением блинов и других лакомств, Мама, поди, не заметила коварного алкаша. Свинья грязь найдет, а Птицын своим чувствительным рылом отыскал бочки с самогоном. К одной из которых и не замедлил присосаться, аки младенец к сиське. Он втихаря нацедил себе целый бидон литра на три. Пока диверсия не открылась, мы вывели Птицына на воздух. Возвращать краденый бидон и его содержимое Владилен не пожелал.

Вновь оказавшись у столов, мужчины потребовали сделать еще один набег на яства. Пришлось уважить. Напрочь потеряв аппетит из-за неудачи, я села поодаль.

– Я слышала, ты пытаешься вернуть чью-то память. – Напротив меня остановилась лопухая туземочка с бледно-золотистыми волосами. Очередная туве. Да, склоняюсь к мысли, что туве скорее раса, чем имена пары девиц. – Есть еще

три надежных средства!

– Настолько же древних, как узелки? – я скорчила пренебрежительную гримаску.

– Пожалуй, древнее.

Почему нет? Я пояснила, кому нужна помощь, и с любопытством воззрилась на происходящее. В принципе я ожидала чего-то подобного, но не мешала золотоволосой до тех пор, пока не взмолился Аксель. Сначала девица испугала его, подкравшись сзади и громко заорав. Бедняга вместе с тарелкой навзничь грохнулся со скамьи. В его коротких волосах и на ушах висел салат. Одно то, что Аксель не послал обидчицу на хрен или в нокаут, ясно свидетельствовало – средство не помогло. Я сокрушенно покачала головой. Барышня пожала плечами и не менее внезапно оголила перед носом у моего мужа свои буфера.

– Мэйби, чего ей надо? – запричитал Аксель, пятясь от туземки на карачках. – Убери ее от меня! А ну как она по голове мне треснет?

– Удар по макушке – самый испытанный метод, – произнесла девица, заправляя груди в топ, совершенно не обращая внимания на жадные взгляды Декстера и Грюна.

– Нет-нет. Его уже били – безрезультатно.

– О, не все знания у вас потеряны! – порадовалась златовласка.

– Конечно. Просто остров чересчур велик, и знания не концентрируются, как здесь, а размазываются тонким сло-

ем, – завершила я ее, задумчиво глядя на Акселев затылок рядом с моим коленом. А вдруг сработает? Впрочем, к лешему народные способы лечения!

– Не отчаивайся! Память не пропадает бесследно, она же часть анима, – туземка похлопала меня по плечу, улыбнулась перепуганному Акселю и удалилась в сторону замка. – Не опоздайте на совет! – крикнула она издали.

Мужчины тепло распрощались с ней, а я сидела в каком-то оцепенении. Золотоволосая туве сумела-таки помочь, подтолкнув меня к решению. Эх, голова моя дырявая! Анима! Я до сих пор слишком мало знаю о ней и не привыкла связывать с нею *все*. Но тут наверняка есть кто-то компетентный!

Ах, Надежда! Ты хуже Фортуны, честное слово. Удача непостоянна, непредсказуема, а ты? Ты никогда не покидаешь человека, даже если он пытается отринуть тебя, ты упорно возвращаешься, сменяя обличия. Фортуны ценят и призывают, холят и лелеют, тебя порой ненавидят. Однако, потеряв везение, человек продолжает жить, потеряв надежду, он умирает.

Я снова поверила в себя, в счастливую Акселеву звезду (то есть опять – в себя), в возможность вернуть цыганина из *бездны забытья*. Аппетит, вдруг напомнивший о себе громким урчанием в животе, вынудил меня присоединиться к моим друзьям за столом.

– Мэйби, я устал, – промямлил Аксель и сонно моргнул.

– Я тоже. Хочу спать, – поддержал моего муженька Грюн. Мысль задремать тут же, в саду, или в уютно-пыльном Доме на сытый желудок показалась особенно заманчивой.

– Но у местных какое-то важное сборище намечается. Там-то уж выяснится, где мы, кто все эти, ммм, существа и чего от них ждать, – справедливо возразил Данике.

– Заканчивай с паранойей, док. Пока ты дождался от *них* третьей порции блинов. – Николас кивком поблагодарил Маму, проворно заменявшую пустые тарелки на полные. – Двигаем на Совет. Там поспите, если что.

Мы покряхтывая поднялись из-за стола и направились к Горному Дому.

В отличие от тропинки к пляжу, этой дорогой, похоже, пользовались нечасто. У меня мелькнула догадка, что ее не облагородили, вероятно, ради желающих *проявить удаль*. Пришлось проявить ее и нам. По счастью, путь обозначался стрелками на камнях и табличками, поэтому мы достигли-таки замка в приемлемые сроки – еще до заката.

Наверное, Горный Дом когда-то являлся частью куда большего по размерам комплекса, но и без того габариты его изумляли. Все архитектурные элементы здания тянулись ввысь. Веретенообразные башни выталкивались в небо колоннами, соединенными с основной сетчатыми арками. Каждая опора состояла из семи-восьми «стеблей», скрепленных на различной высоте скульптурными поясами, и увенчивалась остроконечным шлемом. Везде, где только мож-

но, поверхности рябили рельефными орнаментами, схожими с идэнскими, из зала управления. Те же лица, но радостные и умиротворенные. Они не теснились, заминая друг друга, а кокетливо выглядывали из каменной узорчатой листвы, словно мифические духи леса, *гриады*.

Замок глубоко врос в скалу, сделавшись ее частью. Окружающая природа постаралась освоить чужеродное творение: оплела колонны плющом, вырастила цветы на нижних арках, проникла своими зелеными руками даже внутрь через трещины, балконы, витражные рамы, оставшиеся без стекол. Окна цокольного яруса, как и входной портал, наполовину скрывались под землей, поэтому пол первого этажа оказался ниже уровня земли на несколько метров. Туземцы исправили неудобство, сложив грубую лестницу из валунов.

Наконец таблички со стрелками привели в зал Совета. Мероприятие, судя по всему, еще не началось, но большая часть мест уже была занята. На посыпанной мелким песком арене, рядом с гигантскими песочными же часами, стоял ящер (не эту ли рептилию мы встретили утром?) с металлическим половником в лапах. На шее у твари красовалась кокетливая белая бабочка.

Едва я взглянула на поднимающиеся кверху, точно в *амфитеатре*, ряды скамей, как ощущение нереальности происходящего вновь нахлынуло на меня. Пестрая толпа существ, галдящих, жующих, жестикулирующих, смахивала на запечатленных для довоенной газеты фанатов, которые

пришли на *бейсбольный матч* поболеть за любимую команду. Впрочем, вряд ли кто-то нынче помнит об этой игре. Интересно, туземцев собрал столь же дурацкий повод?

Мы протиснулись на галерку – там было посвободнее. Владилен, всхрапывая, клевал носом и в итоге сполз под лавку. Я и остальные тем временем слушали и осматривались.

В крыше залы зиял пролом, через который виднелось темнеющее небо с пятнами облачков, нарождающимися звездами и парящими чайками. Ползучий плющевидный кустарник вскарабкался и сюда – с краев дыры свисали его длинные, усеянные мелкими листочками, плети. Свод над нами возносился на добрых стопятьдесят-стошестьдесят метров, поддерживаемый массивными, похожими на пластинчатые грибы, колоннами с затейливой резьбой. А прямо напротив, за пятакком арены, посадочные ряды были разгромлены. Вероятно, их завалило обломками при падении громадного (верхний конец застрял в капители ближайшей опоры) черного стержня, который, пробив свод, воткнулся в пол. Либо эта штукавина – то ли карандаш-переросток, то ли крылатая ракета – когда-то стояла посреди зала и потом рухнула. Хотя, быть может, отверстие в потолке являлось архитектурным замыслом, а не результатом разрушений.

Ящер неистово замолотил половником по песочным часам, призывая общество к порядку. Это удалось ему на удивление просто. Островитяне определенно имели представление о вежливости и такте.

– Итак, – пробасила рептилия, – все вы знаете, зачем мы собрались. Для того чтобы обсудить проблему людей.

Тишина, воцарившаяся на трибунах, на несколько мгновений стала густой, буквально осязаемой, а затем разразился немыслимый гвалт, вынудивший ящера вновь применить половник. Как только он часы не расколотил?!

Слегка успокоившись, туземцы начали вполне цивилизованный обмен мнениями. Благодарение небесам, «проблема людей» рассматривалась под несколько иным углом, нежели можно было ожидать. В первую очередь следовало выяснить, *существует ли в природе такая разновидность разумных существ как человек*. После того как обитатели отдаленных островов (а сюда, насколько я уловила, пожаловали представители со всех концов архипелага) сдались под напором неоспоримых фактов, среди которых не забыли даже тувин приемник, обсуждение перешло, собственно, к сути.

Островитяне *страдали от тесноты*. Вполне закономерно, по-моему. Судя по наличию чудо-ящика и рассказам Туве, долгожительством здесь отличались многие. Даже больше – понятие смерти было им, похоже, неизвестно. Существо *присоединялось* к Потоку, когда *уставало* от жизни. Но, как по мне, в здешних условиях довольно сложно устать от жизни.

Запросы туземцев впечатляли. Отдельные особи выражали недовольство (хоть и очень сдержанное), что соседи селятся на расстоянии полукилометра от их гнезд. Фея разме-

ром с ладошку поведала окружающим *леденящую душу* историю о некоей эйлерийке, намеренно зловеще хохотавшей у нее под окнами. Кто-то заметил: сие-де происходит от излишней любви молодежи к *разгульной* жизни. Ему возразила юная девица со змеиным хвостом вместо ног – никто, мол, не смеет мешать ей гнездиться даже в трех местах зараз, особенно, если партнеры не против. Многие вторили ей.

Поскольку человечество, по слухам, благополучно сгинуло, освободились огромные территории, которые присутствующие (а также их друзья, родственники и соседи) охотно заселили бы. Кроме того, *знаки и знамения* прямо указывали на удачное время для исхода на большую землю. Когда столб *небесного огня* уничтожил *запретный остров*, о переезде призадумались даже самые непримиримые скептики.

– Пусть Туве скажет! – завопил кто-то в партере. – Где она, кстати?

– Мы расскажем за нее! – рядом со мной неожиданно поднялись Данике, Николас и Кирна.

– Слухи о гибели человечества сильно преувеличены, – начал Валехо, благополучно пробравшись между скамьями до арены и развернувшись лицом к публике.

– А это кто? С дальних островов? – отовсюду слышались удивленные недоверчивые возгласы.

Конферансье с половником призвал общество к порядку и обратился к самовольным ораторам:

– Вы уверены? И кто вы?

– Мы путешествовали вместе с Туве, – ответил Данике.

– Нам доводилось встречать людей, – продолжила Кирна. – У каждого из них по шесть рук, зубы острые, глаза смотрят злобно, с ладоней срываются громы и молнии. Их земли мертвы...

Имелись ли у Кирны конкретные цели либо это была хренова импровизация, так и осталось загадкой. Начавшегося вслед за сим гомона не перекрыл даже стук половника о стекло и бас ящера. Предполагаемая внешность людей подверглась тщательному разбору. Конферансье пожал плечами и пошептался с моими спутниками, после чего приволок скамью из-за черного «карандаша». Они уселись ждать затишья, которого, судя по всему, в скором времени не предвиделось.

К тому моменту Аксель меня окончательно допек. Он от самого Дома непрерывно жаловался на изнурение, мое равнодушие, необходимость лезть в опасные руины и сидеть среди горластых уродов. Поэтому я применила на супруге «метод Владилена», напоив трофейным алкоголем из бидона. Надо ж восстанавливать доброе имя народной медицины! Само собой, пай-мальчик Аксель убрался в полнейшие слюни с пары глотков, даже не оценив букета цитрусовых с корицей, и прилег под бочок к Птицыну. Приложилась к самогону и я. Тут на глаза мне попался Декстер. Он печалился, вспоминая «свою Тианочку», от которой не осталось ни кусочка. А если б чудо-гробик вернул его подругу с того све-

та? И многочисленные женские прелести не сумели надолго развеять мексиканской грусти. Подсев к нему, я повела открытым бидоном – внутри тихо плеснуло.

– Так и будешь горевать?

– Пацан, тебе не понять настоящей скорби! – брякнул Декстер.

– Да куда уж мне...

– Как ты смеешь утешать меня, сопляк? – взбеленился Тушкан. – Смотри и учись, как мужчина справляется с бедами!

Мексиканец выхватил у меня бидон, поставил его на согнутый локоть, заложил свободную руку за спину и принялся пить. Жаль, не с кем заключить пари на то, сколько он выпьет. И вдруг меня осенило: Тушка сказал «пацан»! То есть Декстер был настолько невнимателен, что до сих пор не прочухал? Нет, мне вправду так повезло?! Игра еще чуть-чуть продлится – не упускать же шанс повеселиться! Хм, сдаётся, Мэйби Туморроу тоже захмелела. Я хихикнула и, ткнув Тушкана пальцем в бок, предупредила:

– Слышь, не свались под лавку!

Хвостатый угрожающе замычал, его кадык заходил быстрее – судя по булькам, Владилену ничего не достанется. Наконец Декстер убрал подпиравший бидон локоть и, держа емкость одними зубами, допил самогон. После, отмахнув башкой, закинул посудину в нижние ряды. Кто-то поймал бидон и крикнул «спасибо». Королевский Тушкан утерся ру-

кавом, смачно рыгнул и довольно осклабился. Из-за броска у него скололся передний зуб, и тушканья рожа приобрела совсем уж разбойничий вид.

– Учись, пока я жив, малец! – процедил Декстер, потягиваясь.

– Эй, а кого я уделал на родео? Как сосунка? – подначила я.

– Случайность, – лениво обронил Декстер.

– Проверим? – передо мной во всей красе обрисовалась картина намечающейся потехи: я буду глумить Тушку до тех пор, пока он не признает поражения или не уйдет от разговора, что станет равносильно признанию, а затем откроется истинная половая принадлежность Тома Мэйби и... Но разве я могла предугадать воспоследовавший кавардак?

– Отличная идея! – пьяно заорал Тушкан и сиганул на шею здоровенной рептилии, сидящей на два ряда ниже.

В принципе я еще успевала послать мышцам сигнал «отставить!», но выяснилось, что Томми крепко угнездился в моей голове. Его не вытравили полгода идэнской жизни, и сейчас он порекомендовал принять вызов, дабы не повредить его *мужской* репутации. В общем, когда решение притвориться, будто я не знакома с мексиканским нахалом, окончательно оформилось, мой зад уже прочно сидел на мощном загривке великана с кожистыми крыльями и развесистыми ушами в серьгах размером с мой кулак каждая.

– Йохуууууу! – неся справа залихватский вой Тушкана.

Изворотливого засранца покуда не сняли с шеи ящера, хотя помощников было навалом. Они пытались увещевать Декстера, просили слезть самостоятельно во избежание травм. В итоге чешуйчатый верзила отловил наездника и, зажав подмышкой, начал объяснять правила поведения в приличном обществе.

Сцену свержения Королевского Тушкана я наблюдала из неудобного положения – удерживаемая за шкуру. Гигант, которого я так борзо взнуздала, оказался проворнее ящера и сразу нащупал на шее помеху. Едва он вытащил меня из «седла» и его заинтересованная физиономия поравнялась с моей, я начала лепетать: «Простите, в нашем племени скачки являются единственной проверкой удали. И чем крупнее скакун, тем лучше! Позвольте мне посидеть у вас на плечах! Можете даже брыкаться!» Великан осмотрел меня со всех сторон, участливо погладил пальцем по голове и прогудел: «Совсем молодежь распоясалась». Испугавшись наказания за свою выходку, я слезно пожаловалась на плохой обзор с моей лавки, вынудивший меня искать «сиденье» повыше. Зря. Здоровяк пробубнил: «Это мы легко поправим!» – и метнул меня обратно. Приземлилась я удачно – словно и с места не сходила. Минутой позже прилетел Декстер, запущенный могучей дланью ящера.

– Опять я тебя сделал! – я попыталась щелкнуть его по носу, но промазала. – Пока тебе наминали бока, я и прогарцевал, и вернуться успел. Так-то!

– Если я не видел – значит, ничего не было, – огрызнулся Тушкан.

– Проигрыш признать кишка тонка?! – поддразнила я и незамедлительно очутилась лежащей между скамьями.

А сверху взгромоздился Декстер, готовый бить Тому морду. Только вот незадача, оттянув ворот моей фуфайки и уперевшись коленом мне в пах, он смекнул, что собирается отлупить девицу. Все произошло не так, как я хотела, но тоже неплохо. Тушкан нашарил рукой надежную поверхность лавки и уселся на нее.

– Мог бы раньше догадаться, – буркнул он.

– Но не сумел! – торжествующе усмехнулась я, плюхнувшись рядом.

– Отодвинься, – потребовал Декстер, – я и так достаточно унижен.

– Это только начало! – пообещала я, но говнюк уже захрапел.

Пока мы развлекались, наши друзья выступили с пламенной речью, в которой обличили воинственность людей, их жадность до земли и ее богатств, будь то собственные или соседские. Ребята в красках обрисовали вонючие клоаки человеческих городов, смертоносное вооружение, обезображенные просторы Эос и, вероятно, напридумывали бы еще каких-нибудь ужасов, если б на арену не выступили новые действующие лица – пятеро ушастых неизвестных.

– Старейшины тари с острова Тари! – рывкнул ящер-кон-

ферансье в наступившей вдруг тишине.

Они совсем не выглядели *старыми*: ни тебе согбенных спин, ни сморщенных ручонков с пигментными пятнами, ни складок обвисшей кожи. Чего уж там, по-моему, любой присутствующий из породы туве (даже я), изобразил бы старейшину с острова Тари, напялив амулетов побольше и воспользовавшись удлинителями и подпорками для ушей. Не иначе органы слуха играли важную роль в культуре островитян. Вот и Туве надевала на ушки нелепые нитяные кисточки. Где-то она теперь?

Между тем старейшины сразу заговорили о главном. Я слушала и не верила.

Не так давно у их острова причалила grossийская подлодка. Согласно древним законам гостеприимства, экипаж *накормили, напоили и спать уложили*. И вот всамделишные люди заявили на Совет вместе с делегацией тари. Похоже, благоденствие обитателей архипелага скоро закончится...

Троица в мышинового цвета шинелях гуськом выбрела из боковой галереи. Я никогда раньше не видела живого (или мертвого) grossийского солдата; Владилен Михайлович не в счет. Впрочем, не думаю, что сие знакомство серьезно обогатило мой жизненный опыт – военные везде одинаковы. Один из прибывших явно имел возможность зажиреть и выбрать форму поновее – должно быть, офицер. Двое остальных постоянно хватались за висящие на истертых ремнях автоматы и, как мне показалось, откровенно робели. Я мог-

ла их понять. Жалкие, какие-то облезлые и тусклые, чужие в этом мире ярких красок, гротескные солдаты приблизились к ящерице и тарии. Главное время от времени слепил первые ряды вспышкой фотоаппарата.

Его выступление – набор шаблонных фраз о мире, союзе и торговле, подкрепленный фальшивым звоном стеклянных бус – несколько меня не удивило. Но туземцам и в голову не пришло заподозрить гостя в неискренности, они сосредоточенно внимали лживому пустозвону, напоминавшему толстобрюхого линялого сурка. История нашего (или не нашего, а *того, другого*, мира, вращающегося под левым глазом звездного дракона) знала множество подобных случаев. Люди с каменными сердцами не раз и не два пускали в ход обман, подкуп и, в конце концов, неизменно – оружие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.